

Вот почему мы объявляем кита как вид бессмертным, сколь уязвим бы он ни был как отдельная особь. Он плавал по морям задолго до того, как материки прорезались над водою; он плавал когда-то там, где теперь находятся Тюильри, Виндзорский замок и Кремль. Во время потопа он презрел Ноев ковчег, и если когда-либо мир, словно Нидерланды, снова зальёт вода, чтобы переморить в нём всех крыс, вечный кит всё равно уцелеет и, взгромоздившись на самый высокий гребень экваториальной волны, выбросит свой пенящийся вызов прямо к небесам.

Герман Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит

В команде «Робкого»

Ноябрьским мглистым утром 1966 года, сырым и ветреным, я слонялся во Владивостоке по причалам бухты Диомид, пытаясь устроиться матросом на промысловое судно. Уйти в рыбацкую пугину, чтобы вновь полной грудью вдохнуть воздух моря, оказалось делом не простым. Уверяю вас: поступить в университет при диком конкурсе легче, чем подняться на палубу сейнера в качестве полноправного члена его команды. Но не все бьются в отделах кадров за рабочее место на судне, подобно мне, ради романтических побуждений. Деньги, хорошие путинные деньги, полученные за год-полтора тяжелейшего труда вдали от родных берегов, проживание бездомного моряка в каюте, бесплатное питание на судне – вот главная причина длинных очередей в отделах кадров управлений активного морского рыболовства.

Припорошённые первым снежком, поскрипывают канатами низкобортные зверобойные шхуны. С завистью смотрел я, как готовятся к выходу на промысел их экипажи. Загружают продовольствие, снаряжение, оружие и боеприпасы. Скоро выйдут охотники на льды Охотского моря с карабинами и острыми ножами. Загремят выстрелы, обагрится чистый снег кровью морских котиков, и трюмы шхун наполнятся засоленными дорогими шкурами этих зверей, обладающих, на своё несчастье, очень красивым мехом. Всё, как в любимом романе Джека Лондона «Морской волк». С одной лишь

разницей: шхуны не парусные и капитаны на них не «волки». Я обошёл их все, получая везде один ответ: «Матросы? Не требуются...» Подняв воротник, я уныло брёл по загромождённому ящиками пирсу, раздумывая, куда податься. Может, опять к «торгашам», в пароходство? Хотелось есть, а в кармане ни гроша. Из комнатухи общежития выперли после увольнения из Дальневосточного научного центра, где я, младший научный сотрудник, недавний выпускник восточного отделения японского языка, корпел над переводами научных статей в японских газетах и журналах, и теперь появилась проблема ночлега. С последней надеждой стать зверобоем я остановился возле шхуны «Лахтак», окликнул проходившего мимо моряка в меховой куртке, в сапогах с высокими голенищами, в мятой фуражке-«мице» и с поблекшим «крабом» на ней. Из-под клетчатого шарфа виднелся вязаный светло-коричневый свитер. Несмотря на отсутствие лоска, присущего комсоставу «торгашей», я интуитивно почувствовал в нём капитана: строгий, взыскивающий взгляд внимательных, пытливых глаз уверенного в себе, сильного, волевого человека.

– Товарищ...

– Капитан «Лахтака» Тихомиров. Слушаю вас...

Он пристально посмотрел на моё элегантное пальто, на модную шляпу и галстук, на блестящие туфли, прикидывая изысканный вид незнакомца к его образованию, должности, морскому опыту. Не найдя в моём облике ничего такого, что соответствовало понятию «просоленный мариман», капитан зверобойной шхуны взялся за леер трапа с намерением уйти. Задержал ногу на ступеньке и опередил мой вопрос о вакансии.

– Мне нужен опытный моторист... Вы кто по специальности?

Про свой диплом об окончании университета я предпочёл промолчать. Кому на этой шхуне, засаженной котиковыми шкурами, нужен переводчик-референт японского языка?! Но в кармане лежало свидетельство электромеханика, выданное в учебном отряде подводного плавания. Решил рискнуть. Им и представился. Ещё добавил, что приходилось стоять на руле теплохода.

– Электромеханик? И в море не первый год? – с ноткой уважения в голосе переспросил капитан. – У нас все судовые роли, кроме одного моториста, уже утверждены. Не сегодня-завтра ухаживаем бить зверя. Отыщи в рыбпорту китобоец «Робкий». Стармехом на нём Чупров – мой друг по сахалинской мореходке. Они недавно с путины вернулись, в ремонте стоят. Люди в отпуск уходят, замены им нужны. Пойдёшь к Чупрову, скажешь: «С корсаковским приветом от Тихомирова!»

Капитан подал руку на прощание, как бы признавая этим рукопожатием во мне моряка, и, тотчас забыв о моём существовании, ругнулся на вахтенного матроса, слабо натянувшего капроновый леер. А я потащился в рыбпорт разыскивать неведомый мне китобоец «Робкий». Полуденное солнце, выглядывая из-за серых облаков, высвечивало задымлённые трубы больших морозильных и малых рыболовных траулеров «Востокрыбхолодфлота». Лес мачт китобойной флотилии высился вдоль длинного причала рыбокомбината. Пахло солью, пропахшими рыбой сетями и деревянными бочками, смолёными канатами. Под бетонными сваями плескалась замазученная вода Золотого Рога. На её поверхности цветами радуги переливались масляные и соляровые пятна. Катер с пассажирами провыл сиреной, отправляясь с мыса Чуркина на другую сторону бухты. Я шёл вдоль ряда китобойцев, стоящих кормами к причалу, тесно прижавшись бортами и задорно задрав острые форштевни. На баках охотников за китами гордо красовались гарпунные пушки. С неровно бьющимся от волнения сердцем читал надписи на фальшбортах: «Гневный», «Зоркий», «Звёздный», «Властный», «Разящий», «Резвый», «Резкий», «Быстрый», «Зовущий»... Но вот и «Робкий». Оправдывая название, скромно стоит последним. Вахтенный матрос на юте, запахнувшись в тулуп, пьяный вдрызг, сидя спит на бронзовой лопасти запасного гребного винта. Я прошёл по коридору между каютами комсостава и остановился перед дверью с потускневшей латунной табличкой «Старший механик». За переборкой раздавались звуки музыки, слышались шумные возгласы подвыпивших мужчин, звон стаканов и смех. Неожиданно дверь распахнулась. Передо мной, покачиваясь, стоял молодой моряк в форменной тужурке с двумя шевронами на рукавах: третий штурман или третий механик.

– Мужики!!! К нам г-гости! Выпить принёс?! – обратился он ко мне. – Нет?! А ты п-почему б-без пузыря... на «Робкий» явился?

Дальше шла ненормативная морская лексика в адрес некоего Юры Балдина, купившего мало водки.

– Мало – ноги в горсть и бегом в магазин за добойником! – беззлобно огрызнулся крайний за столом моряк в тёмно-синей куртке с погончиками второго электромеханика.

Этим термином, как я позже узнал, у китобоев называется гарпун с обрезанными лапами, предназначенный для добывания раненого кита, взятого на линь. В перебранке китобоев под «добойником» подразумевалась дополнительно купленная водка. Нестройный хор захмелевших моряков встряхнул переборки каюты. Помогая своим осипшим голосам стуком кулаков по крышке стола, они дружно орали марш китобоев:

Ударил, ударил выстрел меткий,
И вспенилась, и вспенилась вода,
Недаром, недаром наши предки
Открыли, открыли путь сюда.

– Скажите, кто старший механик Чупров? – выбрав момент, когда певцы выдохлись и потянулись за папиросами, спросил я.

– Ну, я стармех Чупров... – глянул на меня сидящий во главе стола моряк в тельнике. Наколка «якорь» на правой руке, корявое, словно изъеденное солью, лицо. В прокуренных зубах трубка с длинным чубуком – настоящий морской волк!

– Чего хотел, приятель?

– Я к вам с корсаковским приветом от Тихомирова! – выпалил я, рассчитывая произвести впечатление.

Чупров спокойно вытряхнул пепел в пепельницу-раковину, набил трубку табаком, прикурил и, пыхнув дымком, глянул на меня.

– Ну, я старший механик... – повторил Чупров. – И что?

– Тихомиров сказал... Электрик вам нужен.

Мои слова ни коим образом не подействовали на Чупрова. Не обращая на меня внимания, он обратился к сидящему напротив располневшему круглолицему моряку:

– Лёха Тихомиров... Земляк из Корсакова. Капитанит на зверобое... Затащил недавно в «Золотой Рог». Нормально посидели. Приличных чувих закадрили... Лёха звал к себе стармехом... Навар у них – не то что у нас... За котиковый мех, если по уму толкнуть, уйму баксов иметь можно. Ну, ты знаешь, не по мне это дело – драть шкуры... Так ты электриком? – вдруг обернулся ко мне Чупров. – Документ имеется? Покажь!

Я с готовностью подал свидетельство в замусоленной дерматиновой обложке, влажное от ладони, давно сжимавшей его в кармане пальто. Чупров приблизил книжицу к свету настольной лампы, внимательно прочитал запись.

– Электрики по твоей части, Виктор Алексеевич, – сказал Чупров, протягивая свидетельство всё тому же плотному мужчине с кругло-красным, разгорячённым выпивкой лицом, с которого не сходила блаженная улыбка. Тот посмотрел, поглядывая на меня и на запись в свидетельстве, как бы сверяя одно с другим, положил в ящик стола, что было хорошим знаком.

– Подводником был... – с теплотой в серых глазах кивнул в мою сторону Чупров.

– Ладно, принимаем в машинную команду «Робкого». Временно! До весны... На период ремонта. А там посмотрим...

– Я в путину хочу, – вырвалось у меня.

– Ни одной вахты на «Робком» не отстоял, а уже в путину собрался, – добродушно, всё с той же неизменной улыбкой сказал круглолицый моряк. – Ремонт, это как проверка на вшивость. Понял? Не посмотрю, что тебя Лёха Тихомиров прислал. Будешь баклуши бить – спишу на берег. Завтра оформим твои документы в отделе кадров. А сейчас дуй в ресторан «Утёс», отработывай испытательный срок по полной программе!

Он бросил на стол четвертную. Остальные участники пирушки не замедлили добавить смятых десяток. Не считая, я сгрёб кучу денег в шляпу, надел на голову и вышел из каюты. Перешагнув через храпящего на корме вахтенного, бегом сбежал по трапу китобойца. Я летел как на крыльях, подгоняемый радостными мыслями: «Меня приняли! И даже не матросом, а электриком! Я в команде «Робкого»! Пока временно... Ну и пусть... Я постараюсь и весной уйду в море на китобойце... Ура капитану Тихомирову! Да здравствует морская дружба!» Из ресторана я возвратился на

такси. «Волга» подкатила к трапу «Робкого». Молодой водитель, помогая поднять из багажника ящик с бутылками «Столичной» и двумя каралками копчёной колбасы, завистливо присвистнул:

– Ничего себе гуляют китобои!

Вахтенный матрос, привалась спиной к шпилью и раскинув руки, сидел на палубе. Осоловелым взглядом уставился на ящик с водкой, попытался встать, но запутался в полах тулупа и, завалившись набок, вырубился напрочь. Я внёс ящик в каюту старшего механика под одобрительные возгласы. Зазвенели выставяемые на стол бутылки.

– Молодец, гонец! – одобрительно сказал мужчина с красным лицом. Как вскоре я узнал, это был первый электромеханик Чугунов. – Сегодня в ночь на пожарную вахту заступишь.

– Есть заступить на вахту! Разрешите идти? – с радостной поспешностью привычно вскинул я руку к головному убору, да так бойко, что все засмеялись.

– Стоп, машина! Полный назад! Крепко вас надрючили на военке! У нас не козыряют, – ослабилась в улыбке Чугунов. – У нас, ежели что не так, просто гонят взашей с судна... Воспитанием нам тут некогда заниматься. Море не мать, а злая мачеха, с ним шутки плохи. Ошибок не прощает. Так что, давай, парень, без козыряний, но с полной отдачей... Мы всей командой будем надеяться на тебя, а ты будешь надеяться на всех нас... Как у мушкетёров... Один за всех! Все за одного! Наливай, Валера!

«Столичная» забулькала в стаканы. Чугунов придвинул один мне:

– Накати за первую вахту на «Робком»!

Полный стакан колыхался в руке. Не доставало мужества поднести его ко рту. Видя мою нерешительность, Чугунов для поддержки отломил кусок колбасы, подал мне.

– За ваш успешный приход с путины, – оттягивая момент питья, начал было я, но Чугунов поднял руку:

– Стоп, машина! Травить якоря будем после, а сейчас давай, полный вперёд!

Я выпил и жадно набросился на еду. Китобои шумно обсуждали перипетии недавнего промысла, стараясь перекричать катушечный магнитофон, гремевший песней:

И всё-таки море останется морем,
И нам никогда не прожить без морей...

– Это здорово, что ты на флоте служил, – обернулся ко мне Чупров. – Мы все здесь бывшие военморы с ТОФа.

– А кто служил на флоте, тому в цирке не смешно! – разразился хохотом второй электромеханик Юрий Балдин. – Вот у нас на эсминце был случай... «Рогатые» – артиллеристы – воровали у своего «быка» – командира БЧ-2 – спирт из канистры. Он с деревянной киянкой затаился в каюте, караулит за рундуком. Медик увидел, говорит старпому: «У “быка” крыша поехала. По кубрику с киянкой бегал, а сейчас в каюте спрятался!» Старпом пошёл посмотреть, тихонько дверь открыл и заглянул осторожно в каюту, а «бык» ему по башке киянкой – тресь!

Все хохочут, каждый тотчас вспоминает комический случай из флотской службы.

Незаметно я покинул шумную компанию. Не терпелось спуститься в машинное отделение китобойного судна. С завидной сноровкой скользнув локтями по поручням, спустился в гребной отсек, где предстояло нести вахту. Здесь находился огромный электродвигатель, соединённый валом с гребным винтом. Китобоец – дизель-электроход. Четыре дизеля вращают генераторы. Те вырабатывают ток, питающий гребной электромотор напряжением в тысячу вольт. Дюралевые палубные поёлы в гребном отделении закисло и потускнели. Пылью покрылись кожуха электрощитов. Не до наведения марафетов было экипажу «Робкого» в штормовом море, в напряжённой путине. Поразмыслив, я решил скоротать ночную вахту приборкой. Переодевшись в рабочее платье, старательно, как на подводной лодке, металлической щёткой начистил поёлы, промыл соляром. Серебром заблестели дюралевые листы. Стал вытирать их насухо и вдруг заметил в проёме входного люка удивлённые физиономии пьяных китобоев. То один моряк, то другой заглядывал вниз, показывал на меня, головой качал. Пальцами на меня тычут, переглядываются, плечами недоумённо пожимают. Может, не нравится им, как работаю? Я с удвоенной энергией принялся надраивать палубу, но по ступеням трапа, переваливаясь, как в качку, с боку на бок, тяжело сошёл вниз Чугунов. По его упитанно-

розовому лицу трудно заключить, сколько водки он выпил. Чёрные с проседью выющиеся волосы причёсаны на аккуратный пробор, глаза светятся благодушием, рот растянулся в довольной улыбке. Шатаясь, подошёл, положил на моё плечо широкую ладонь.

– У нас не военный флот... Брось ерундой заниматься... Всё равно скоро в док станем... Работяги с судоремонтного завода грязи нанесут, натопчут здесь... Вот выйдем в море, чисти потом сколь хочешь.

Чугунов, пыхтя, поднялся по трапу. Я накинул пальто и вышел на корму. Вахтенный матрос безмятежно посапывал, уложив голову на канатную бухту. Огни ночного Владивостока цветной мозаикой переливались на тёмной глади Золотого Рога. Палуба «Робкого» слегка дрожала от стояночного дизеля, монотонно гудевшего в глубине машинного отделения.

Прохладный влажный ветерок доносил солоновато-йодистый запах моря, приятно освежал отяжелевшую голову.

Утром, ожидая распоряжений на ремонтные работы, я сидел в гребном отделении. Чугунов, не спускаясь вниз, крикнул мне:

– Ступай в каюту, переоденься в чистое и жди моих цэу.

«Цэу» – ценные указания – поступили ближе к полудню. Явился Чугунов, сунул деньги, коротко объяснил задачу:

– Пришёл с проверкой ремонта флагманский механик... Пьёт «Перцовую» и закусывает «Любительской» колбасой. Давай, по-шустрому...

На следующий день, облачившись в робу, я снова прохаживался по гребному отделению, от нечего делать надраивал медяшку на штурвале контроллера. От этого душевного занятия меня отвлёк голос третьего электромеханика.

– Сюда иди! Быстро! Держи деньги и бегом в магазин! Пришёл флагманский штурман с проверкой ремонта навигационного оборудования. Любит «Экстру» и колбасу «Докторскую». Особа эта с начальником управления накоротке...

На другой день проверять ремонт электроустройства пушки соизволил гарпунёр-наставник по прозвищу Ваня Рыжий – Герой Социалистического Труда, живая легенда китобойного промысла. Представитель элитной когорты китобоев пил только коньяк «Белый аист» и заедал трюфелями. Каждый день кто-нибудь из флагманских специалистов «проверял» состояние материальной части и ход ремонта на китобойце «Робкий». Поутру я уже не утруждал себя одеванием спецодежды. После плотного завтрака в кают-компаниии ожидал «цэу» в каюте, принарядившись в костюм, пальто и шляпу. Грохоча башмаками по ступеням трапа, в каюту приходил кто-нибудь из комсостава машинной команды, давал деньги, а я деловито осведомлялся:

– Кто из флагманских спецов удостоил своей честью посетить «Робкий»?

– Флагманский электромеханик... Он с самим начальником управления по корешам, – следовал, к примеру, ответ. И я знал, чем угодить важному посетителю: арабский ром «Абу симбэл» и растворимый кофе во вкусе этого «проверяющего».

Ближе к весне «Робкого» поставили в док судоремонтного «Дальзавода». Загремели кувалды и гаечные ключи заводских рабочих. Засверкали искры электросварки. Завизжали турбинки чистильщиков. Засвистели распылители маляров. Застучали пневмомолотки клёпальщиков. Защищали резаки газорезчиков. Завыли моторы порталного крана, поднимая наверх снятые агрегаты и взамен опуская новые. Ремонт на «Робком» пошёл полным ходом. Путинные деньги к этому времени китобойи поистратили. «Проверки» стали реже. Теперь каждое утро в каюте первого электромеханика собиралась электрогруппа на планёрку. Озабоченно советовались.

– Надо бы изоляцию замерить на электромоторах и генераторах, – предлагал второй электромеханик Юрий Балдин.

– Да и хорошо бы у них смазку подшипников заменить, – поддакивал третий электромеханик Валерий Рыч. – Аккумуляторы на зарядку поставить...

– Шпили проверить и рулевые сектора, – подсказывал первый электромеханик Виктор Алексеевич Чугунов. С неизменной улыбкой смотрел на меня:

– Справишься? Один ты из электриков остался. Хохлов и Обухов в отпусках.

– Успею... – бодро отвечал я, радуясь тому, что на меня одного возложена работа. Больше шансов уйти в путину. Да и надоело бездельничать, носиться по магазинам в поисках деликатесов

для особ, приближённых к начальнику управления китобойных флотилий. Наконец-то настоящее дело! С мегометром и «контролкой», с набором отвёрток, пассатижей, гаечных ключей, съёмников, с лампой-переноской, с мотками изоленты и проводов носился я целыми днями по судну, не обременённый семьёй, а потому допоздна засиживался в машине за работой, всё больше прикипая душой и сердцем к «Робкому». Нет моряка, который не любил бы своё судно, свой корабль. И даже в минуты опасности, на краю гибели он будет думать о нём, как о родном, живом существе. В тоске по берегу, проклиная судьбу, штормовую качку, холод и голод, умирая от жажды в шлюпке, моряки не станут винить в своих несчастьях судно или корабль. Любому члену экипажа всегда дорога его посудина, ставшая плавучим домом. Пусть неказистая, неброская, маломерная и тихоходная – моряк будет спасать её до последней возможности. И не только потому, что от живучести плавсредства зависит и его жизнь. Он спасает родственную душу. У каждого судна, корабля есть имя. И рождаются они, и умирают, как люди. Одни со звоном разбитого о борт шампанского, другие незаметно и скрытно выходят из доков. И каждому судьбой уготована счастливая жизнь или гибель в катастрофе, в кораблекрушении. Одни тихо и мирно ржавеют, доживая свой век, на корабельных кладбищах, разбираются на металлолом на судоремонтных заводах. Другие гибнут в героической битве, в яростной схватке с огнём, с ураганом. Но какой бы ни была посудина – маленький сейнер или огромный плавзавод, тральщик или крейсер, – моряк смело держится на нём, уверенно скользит по гребням неистовых водяных валов. Рядом у заводских причалов стояли и другие китобойцы, но мой казался лучше, красивее всех. Пушка у нас выкрашена синей краской, а у других – чёрной. Ватерлиния на «Робком» белая, чёткая, а у «Звёздного» – куда только боцман смотрит – расплывчатая, кривая. На трубе у «Робкого» красная полоса. Ярко-жёлтые на ней звезда, серп и молот – символы государственного флага СССР. Не то что на «Гневном»: грязно-малиновая, облезлая. Якоря «Робкого» блестят свежим кузбаслаком, а у соседей суриком по ржавчине заляпаны. И всё у нас лучше ещё и потому, что в прошлую путину «Робкий» добыл рекордное на флотилии количество китов – 516 голов! На флотилии «Слава», в составе которой охотился «Робкий», десять китобойцев. Совсем не робкого десятка он оказался. Такой вот каламбур!

– За успехи в социалистическом соревновании наш славный экипаж был награждён переходящим Красным знаменем флотилии «Слава», – с гордостью поведал мне моторист Гайчук, когда мы вместе с ним красили белилами переборки в нашей четырёхместной каюте, подготавливая своё жильё к долгому плаванию.

– Где же знамя, Юра? Что-то не видел его...

– А и не увидишь...

– Сам же сказал, что наградили...

– Наградить-то наградили... Но не вручили...

– Как так?

– А так... Домой уже возвращались с путины... Вызвали нашего капитана Обжирова, партгруппорга Емельянова и профорга Балдина на плавбазу. Подошли мы к «Славе». Штормило сильно. В плетёной корзине наших представителей краном подняли на палубу плавбазы. Там в торжественной обстановке, под аплодисменты вручили им знамя. Незадолго перед этим сухогруз швартовался. Почту привёз. Посылки для «Робкого» они получили. А в посылках тех, само собой, водка. В грелках резиновых. А шторм такой разыгрался, что «Робкий» не смог подойти к плавбазе. Наши знаменщики не стали дожидаться хорошей погоды, когда можно будет вернуться на судно, решили обмыть знамя на «Славе». Укушались в ноль. Грозилась набить морду помполиту, кого-то с трапа спустили, поколотили посуду в кают-компании и горланили там песни. В общем, когда море улеглось и за ними пришёл «Робкий», в плетёнку все трое влезли без знамени. Отобрали знамя у них и вручили «Властному».

– Пропили, получается, награду?..

– Выходит, что так... Да и фиг бы с ним, со знаменем... Но к нему полагалась хорошая премия всему экипажу... Такая вот история вышла. На флотилии по сей день угорают с неё. «Робкий» наш далеко не из робких... Да ты и сам в этом скоро убедишься, – закончил рассказ Гайчук.

Приключений, злоключений и происшествий на «Робком» и в самом деле хватало. Второй штурман застал дома жену с любовником и всю ночь выбрасывал в окно с пятого этажа телевизор, холодильник, мебель, ковры и другие вещи, бил зеркала, посуду, потом собрался и ушёл на судно.

Моториста Стукалова осудили на пятнадцать суток за уличную драку. Марсовый матрос по имени Владимир ушёл перед обедом за хлебом. Его ждали день, неделю, месяц. Нашли у железнодорожной насыпи на станции Океанская. Несчастного сбита электричка, но как он там оказался, никто не знает.

После рабочего дня на судне, помимо вахтенных, остаются в каютах те члены экипажа, кому куда податься. Нет у них ни дома, ни семьи, ни денег на ресторан. В такие вечера, само собой, из карманов выскребаются последние копейки и за водкой засылается самый молодой, а потому бессменный гонец, то бишь я. Как-то вечером я лежал на койке и взахлёб читал повесть о китобоях «Капитан Кирибеев». Светильник в изголовье освещал обмусоленные страницы, синюю фирменную занавеску, свисавшую с подволока. Вентилятор колыхал потрёпанную ткань, в матерчатых складках которой выгнулась жёлтая вышивка: «Робкий». Задрайки стукнули на кормовой переборке, и по трапу засеменили сбегаящие вниз ноги. Прежде чем распахнулась дверь моей каюты, я с сожалением захлопнул книгу, не сомневаясь, что придётся бежать за водкой. Отпуская недобрые слова в адрес того, кто торопился вторгнуться в мой безмятежный мирок, отгороженный от шумной компании судовых выпивох занавеской, задёрнутой во всю длину койки, я нехотя поднялся. Однако на сей раз я ошибся в своём предположении.

– Пожар на рефрижераторе! – громко крикнул моторист Борис Далишнев.

Горел стоящий рядом с нами «Рефрижератор № 4». На другой день этот «рыбак» должен был уйти в сельдевую путину. Нас разделяла неширокая полоска тонкого мартовского льда. Команда «Рефа» ушла на берег к семьям попрощаться перед уходом в длительный рейс. Несколько человек вахты слишком поздно заметили дым в каюте радиста, оставившего включённым паяльник. Пока они бестолково суетились, огонь запылал по каютам. Хорошо горят судовые переборки с несколькими слоями краски! Страшен пожар на судне, особенно в открытом море! Оплавляются борта изнутри!

По ледку, рискуя провалиться в воду, я и моторист Боря Далишнев протащили от своего пожарного насоса шланг с брандспойтом на корму горящего «рыбака». В проходе между каютами дымища, всё черно, а впереди по правому борту колышется светлое пятно. Пламя! Не медля, я направил на предполагаемый огонь мощную струю с напором, способным сбить с ног. Жёлтое пятно потухло, но высветилось по левому борту. Бью по нему струёй, с усилиями удерживая в руках толстый шланг, поддерживаемый сзади мотористом. Одному не справиться с ним. Яркое пятно потухло, но вспыхнуло вновь справа. Заливаю его всей мощностью нашего гидранта, и оно исчезает в дымной черноте. Стёкла масок наших спасательных аппаратов запотели. Видимость – ноль. Продвигаемся на ощупь. Вдруг впереди снова вспыхивает огонь... фонаря на груди пожарного, который мы приняли за пламя. Так вот кого мы упорно «тушили»! Бедный пожарный изворачивался от сверлящей его водяной струи и так и эдак, не понимая, что свет его фонаря мы принимаем за огонь. Разобрались, вылезли наверх. На пирсе полно пожарных машин. Оказывается, пока мы пробирались по кормовому коридору, какой-то пожарный нырнул вниз из бокового прохода и двинулся нам навстречу.

– Потушили, Генаха, мы с тобой пожарника! – снимая аппарат, смеясь, сказал Боря. Трюмы рефрижератора, забитые мукой, наполнились водой. Разбитые иллюминаторы, через которые сбивали пламя в каютах, обгоревшие переборки, чад и дым, погром, как после бомбёжки. Таким увидели своё судно пришедшие поутру на пирс с чемоданами и сумками, приготовленными для долгой путины, рыбаки.

Беспечность всегда обходится дорого. Беда не миновала и бесшабашно-развесёлую команду «Робкого». До отхода в путину оставалось несколько дней, когда случилась авария: после ремонта дейдвудного сальника на гребном валу не выставили ночную вахту в гребном отделении. Сальник плохо набили, забортная вода проникла через него и затопила гребной электродвигатель. Пришлось смывать с него морскую соль пресной водой из брандспойта и потом целый месяц сушить мощными лампами. В то время как другие китобойцы уже вовсю били китов, зарабатывая деньги, мы торчали на берегу в ожидании, когда поднимется уровень изоляции в обмотках электродвигателя до нужной нормы. Электрик Виктор Обухов из-за болезни в путину не пошёл. Первый электромеханик Чугунов вручил мне направление на медкомиссию, как всегда улыбаясь, пожал руку, торжественно произнёс:

– Поздравляю! Испытательный срок выдержал на «отлично». Дуй на комиссию. Пройдёшь – ты в штате «Робкого».

Медкомиссию в поликлинике рыбаков я прошёл успешно.

Лишь в конце мая, после проверки пограничниками всех членов экипажа, «Робкий» ночью тихо и незаметно покинул залитую огнями бухту Золотой Рог. Оставляя за собой пенный след, китобоец миновал стоящие у пирсов суда и корабли, портовые краны, морской вокзал. Мы уходили без оркестра и пышных проводов. В предрассветных сумерках спал Владивосток. Красным пятнышком высвечивалась телевышка на Орлиной сопке. И море без устали – волна за волной – накатывалось на мыс Эгершельд, мигающий вслед нам огоньком маяка. В каюте стармеха магнитофон томил душу песней:

Далеко за кормой, за седой пеленой
Затерялся в тумане огонь маяка,
Но в туманной дали свет родимой земли
Не погаснет в душе моряка...

Отодвигался, бледнел, растворяясь в ночи, далёкий берег, таяли в ней очертания оставшейся за кормой Большой земли. Позади Русский остров, пролив Босфор Восточный. Впереди Тихий океан. Великий, но совсем не тихий.

Всё будет абдемаг!

Неординарной китовой теме посвящены знаменитый бестселлер Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит», роман Франсиско Колоане «Дорога китов», книги советских писателей Анатолия Вахова «Фонтаны на горизонте» и Петра Сажина «Капитан Кирибеев», научно-популярные книги Уильяма Эванса «Кит в океанариуме» и Виктора Шеффера «Год кита». К этим изданиям необходимо добавить научные монографии А. А. Берзина «Кашалот» и Л. Метьюса «Кит», исследовательские работы А. Г. Томилина, А. В. Яблокова, Ф. Г. Вуда, В. Е. Соколова, Ж.-И. Кусто, опубликованные в нашей стране. На английском языке напечатаны книги Д. Слийпера «Киты», Ф. Фрейзера «Киты и китобойный промысел». В Интернет-библиотеке любители морских млекопитающих могут разыскать многочисленные сборники статей Д. Колдуэлла «Поведение кашалота», Р. Келлога «История китов», Н. Саймона «О китах и китобойном промысле», М. Н. Тарасевич «Распространение кашалотов в водах Северных Курил» и многие другие. Все они, подобно статье Джона Уолша «Киты: упадок популяций, происходящий, несмотря на ограничение добычи», написаны в защиту китообразных.

Три-четыре столетия залы дворцов, домов богатых купцов и промышленников во всей Европе, а позже и в Новом Свете освещались спермацетовыми свечами, изготовленными из жира китов-кашалотов, дающего яркий свет и ровное пламя. Амбра – восковообразное дорогостоящее вещество, извлекаемое из кишечника кашалотов и превращаемое в лабораториях в ароматное вещество, применялось в производстве духов, делая их необычайно стойкими и нежными, сохраняющими свой аромат годами. Во время разделки китов попадалась амбра серого, чёрного и коричневого цвета. Самой ценной является золотистая и белая амбра. Попадались куски весом до 13 килограммов, но самые большие «самородки» амбры обнаружены в убитых кашалотах весом 122 и 270 килограммов! Китовый ус шёл на изготовление гребешков, тростей, шляп, удочек, кнутов, женских корсетов, зубочисток и прочих безделушек. Ворвань – подкожный жир – использовали для отопления жилищ, а позднее стали добавлять в смазочные масла для морозоустойчивости. Китовое мясо использовалось в пищу. Кости и прочие отходы перемалывались на муку, служащую витаминной подкормкой домашним животным, песцам, норкам и соболям на зверофермах. Из печени китов получали витамин «А». Самое ценное в кашалоте – жир-спермацет! Все крема и аптечные мази приготавливались исключительно на спермацетовой основе. Спермацет служил сырьём для сверхчистого машинного масла. «Продвинутые» химики научились производить из китового жира сначала мыло и маргарин, а потом нитроглицерин и динамит! Выражаясь языком статей и отчётов, жир китов применялся в пищевой, кожевенной, мыловаренной, текстильной, химической, фармацевтической, парфюмерной, косметической и других отраслях промышленности.

Охотились на китов с незапамятных времён. Первобытные люди, преследуя кита, подходили к нему вплотную на лодке, обтянутой кожей, и всаживали в него гарпун-копье с каменным зазубрен-

ным наконечником. К гарпуну привязывали бревно. Раненый кит таскал тяжёлый поплавок, выбивался из сил, и тогда охотники добивали его. Умели древние китобойи добывать китов гарпунами с отравленными ядом остриями или, как японцы, ловили их прочными сетями.

С каждым столетием всё совершеннее становилась китовая охота. И если древние охотники отваживались бить кита в лагуне, в прибрежных водах, то уже в шестнадцатом веке парусные китобойные шхуны вели охоту с вельботов в океане. В безобидно плывущего исполина рослый и сильный гарпунёр метал остро отточенный гарпун с крепкой верёвкой-линем, привязанным к носу шлюпки. Кит уходил на глубину, шлюпка тащила за ним и порой уходила под воду вместе с китобоями. А иногда разъярённый от боли кит всплывал под вельботом, переворачивал судёнышко, разносил в щепки хвостовым плавником. Гибли китобойи в ураганных волнах, в арктических льдах, среди айсбергов Антарктиды, на скользких от жира палубах во время разделки туш, но возможность заработать хорошие деньги гнала их искать удачу, гоняясь за китами.

Китов добывали Норвегия, Швеция, Дания, Германия, Франция, Испания, Исландия, Соединённые Штаты Америки, Чили, Канада, Япония, Китай, Великобритания, Голландия, СССР.

Начало невиданному по масштабам во все века смертоубийству животных положил в 1868 году норвежец Свенд Фойн. Он изобрёл пушку, стрелявшую гарпуном с разрывной осколочной гранатой – чугуном наконечником, начинённым взрывчаткой и дистанционной трубкой-детонатором. В 1925 году его алчный соотечественник Сорль придумал для уничтожения китов и превращения их в доллары плавучий разделочный завод. И отправились бороздить Мировой океан многочисленные флотилии под флагами разных стран. Напоминая военные эскадры, стаи судов-китобойцев с матками-плавбазами, оснащённые совершенной техникой добычи и переработки китовых туш, стали мировым круглосуточным конвейером почти на полвека! В небывалой кровавой бойне только между 1904 и 1939 годами убито более двух миллионов китов! Сколько их умерщвлено вообще с тех лет по настоящее время, точно никто не скажет, но не менее ещё нескольких миллионов. В побоище участвовали не только китобойи. Китов били с самолётов, с подводных лодок и с надводных кораблей, отрабатывая на них навыки бомбометания и артстрельбы. Киты подрывались на минах.

Флотилии уходили в пугину на девять-десять месяцев, и за это время каждый китобоец добывал 400–500 китов. Все китобойные страны владели несколькими флотилиями, в каждой из которых в среднем по десяти китобойцев-охотников. Перемножив все эти хотя бы заниженные числа, получим ужасающую статистику: ежегодно сотни тысяч погубленных животных-китообразных, из которых такие, как гренландский кит, горбач, синий кит (блювал), финвал, сейвал, кашалот, серый кит, из-за своей малочисленности уже не существуют с точки зрения китобойного промысла.

Начало нашего отечественного китобойного промысла относится ко второй половине девятнадцатого века: в 1850 году создана «Российско-Финляндская компания», в 1864-м китов промышлял владивостокский купец О. В. Линдгольм. В конце девятнадцатого века в Охотское море на промысел вышли три китобойных судна, построенных в Норвегии: «Николай», «Георгий» и «Геннадий Невельской». Капитаном последнего был морской офицер Аким Дыдымов. Он вышел в отставку, продал имение и все деньги потратил на строительство судна, на котором добыл более семидесяти китов. Позже китобоец «Геннадий Невельской» пропал без вести вместе со своим отважным капитаном. В 1925 году по договору с Советской республикой у берегов Камчатки китов была норвежская компания «Вега». На плавбазу «Комодорен» и на суда-охотники «Анадырь» и «Селина» для обучения китобойному делу была направлена группа наших моряков.

Советский китобойный промысел получил развитие в 1930 году. В США советское правительство приобрело пароход-сухогруз «Глен Ридж» 1914 года постройки, переоборудованный под плавбазу для разделки китов. Его переименовали в «Алеут». В Норвегии заказали китобойные суда «Трудфронт», «Авангард» и «Энтузиаст». 25 октября 1932 года в северной части Тихого океана флотилия «Алеут» добыла первых двух китов. Гарпунёрами на судах-«паровичках» были приглашённые за золото чванливые норвежцы, мнящие себя непревзойдёнными мастерами по стрельбе из пушки, изобретённой их соотечественником. Норвежцы держались на советских китобойцах хозяевами положения, вели себя заносчиво и гордо, никого не подпуская к пушке.

В 1946 году в далёкую и суровую Антарктику отправилась «Слава» – трофейная немецкая китобойная флотилия в составе плавбазы с одноимённым названием и восьми китобойцев-«паровичков»,

работавших на угле, позднее их топки переделали под мазут. Они именовались: «Слава-1», «Слава-2», «Слава-3» и т. д. Гарпунёрами на них были опять-таки норвежцы. Но позже русские парни в меховых полушубках и шапках-ушанках встали у гарпунных пушек на ледяных баках китобойцев. И начали бить китов не хуже заносчивых скандинавов, которым дали «от ворот поворот». Немецкие «паровички» вскоре заменили проданными Советскому Союзу бывшими американскими тральщиками. На бортах этих кораблей были надписи: «US army», поэтому их прозвали «амиками», хотя у них были «погодные» имена: «Шторм», «Вьюга», «Циклон», «Пассат», «Буран», «Пурга», «Муссон», «Ураган», «Тайфун», «Шквал» и другие. В 1960-м «Славу» перегнали во Владивосток. О советских китобоях, закалённых солёными ветрами Антарктики, обдаваемых ледяными её волнами в жгучий мороз, в 1957 году создан замечательный фильм-оперетта «Белая акация». Китобазы «Слава» в кино переименована в «Салют».

В 1959-м китобойный промысел в южных морях начали плавбаза «Юрий Долгорукий» – бывший немецкий пассажирский пароход «Гамбург» постройки 1926 года, приписанный к Калининграду, и сошедшая со стапеля Николаевской судовой верфи «Советская Украина». Однотипная ей «Советская Россия» ушла в свой первый антарктический рейс в 1961 году. Экипажи этих двухсотметровой длины махин и водоизмещением по 45 тысяч тонн насчитывали по пятьсот человек!

В 1963-м на Дальнем Востоке вступили в строй китобазы «Владивосток» и «Дальний Восток», построенные на немецких судовой верфях. Они были водоизмещением по 26,5 тысячи тонн, оснащённые высокотехнологичными линиями по переработке китовых туш. К этому времени 99 современных китобойных судов проекта 393 типа «Мирный» с дизель-электрическими силовыми установками и скоростью хода до 19 узлов обновили советский китобойный флот. Треском вертолётов, чётким кильватерным строем напоминая военно-морские соединения, двинулись губительные армады на беззащитных животных, заполонили океаны, пришли в антарктические льды, которые Герман Мелвилл, автор знаменитого романа о Моби Дике, считал навеки неприкосновенным убежищем, где «...киты смогут, наконец, укрыться в полярных твердынях и, ныряя под последние ледяные барьеры, выплывать среди ледяных полей заколдованного царства вечного Декабря, презрев всякое преследование людьми». Как глубоко он ошибался, не представляя себе возможности двадцатого века и масштабы гигантской бойни! В те годы продолжались интенсивные поиски более лёгких и дешёвых способов убийства китов. Их пытались травить стрихнином, цианистыми препаратами, ядом кураре, пробовали умерщвлять электротоком. Стада китов обнаруживали в океанах эхолотами, вертолётами, изматывали ультразвуком.

В конце семидесятых годов двадцатого столетия человечество опомнилось, наконец, от дикого безумия. Международная конвенция запретила дальнейший промысел китов. Если бы этого не случилось, китов наверняка стали бы отслеживать с помощью спутниковых систем, подманивать ложными звуками, подражая зову китов, убивать лазерными пушками или каким-нибудь ещё столь же ужасающим оружием. Отстрел китов в настоящее время разрешён под присмотром международных наблюдателей лишь в незначительном количестве для жителей Чукотки, Японии, Аляски и других народов, для которых морепродукты составляют их основной рацион питания. В Нагасаки кишки кита употребляют в пищу, почитая их как символ долголетия.

После короткого экскурса в историю китобойного промысла вернусь мысленно на уходящую из-под ног мокрую палубу «Робкого».

...В южной части небосклона чёрная туча слилась с пенным горизонтом. Там скрылись в пелене дождя белые вершины гор японского острова Хоккайдо. Мы идём проливом Лаперуза. Непоглядная ночь. Бушует шторм. Ветер, порывами налетая с севера, свистит в снастях такелажа. Ураган разыгрался вовсю. Повелитель моря подводный царь Нептун треплет тенты шлюпок, звучным, могучим голосом бури завывает в вантах. Сатанинский хор свистящих, визжащих звуков. В их диком хаосе при блеске молний и под раскаты грома стойко борется «Робкий» с разбушевавшейся стихией. Содрогаясь под ударами волн, переваливаясь с боку на бок, китобоец упрямо держит курс в побелевшем от ярости море. Корма, захлёстываемая шипящими волнами, то проседает в них, и тогда дизеля замедляют ритм, работают с полной нагрузкой: ду-ду-ду-ду-ду... То взмывает она вверх, оголяя гребной винт, и дизеля легко вздыхают: та-та-та-та-та... И тотчас опять: ду-ду-ду-ду-ду... Та-та-та-та-та... Оголённый винт вращается вхолостую, на секунду-другую сотрясает корму, погружается, с шумом вспенивает под ней воду, упрямо толкает судно на водяной

холм. Взобравшись на вершину вала, китобоец срывается с него, как с горы, с грохотом ударяется днищем о воду, зарывается в неё носом. Но вот выходит из неё, на несколько секунд показывается отмытая до блеска, отполированная волнами палуба, и вновь с шумом скрывается под ними. И так беспрестанно, в течение всей путины: ду-ду-ду-ду-ду... Та-та-та-та-та... Ду-ду-ду-ду-ду... Та-та-та-та-та... По левому борту на траверзе «Робкого» желтовато-красными проблесками вспыхивает в потёмках ночи маяк на мысе Анива – юго-восточной оконечности острова Сахалин. В ту дождливую грозовую ночь, подыхая от качки на корме «Робкого», я ни о чём, кроме как о клочке твёрдой суши, не помышлял. Боцман Александр Ануфриев, спускаясь со шлюпочной палубы, где проверял увязку тентов, мимоходом бросил:

– Видишь маяк? Сахалин шлёт нам последний привет... Чего торчишь на корме? Ступай в каюту, промокнешь.

На шее боцмана болтается на ремешке карманный радиоприёмник. Потрескивая помехами, то тише, то громче – в такт качке и в унисон погоде – транзистор дребезжит песней:

Всё как и прежде стучит машина,
Бушует шторм, ревёт пурга,
А где-то встречи, и тёплый вечер,
И вы, родные берега...

На мне уже давно сухой нитки нет. Но здесь, на свежем ветру, чуточку легче. И как хочется туда, где сидит в тепле за чашкой кофе смотритель маяка, слушает потрескивающий радиопомехами транзистор, и пол под ним не ходит ходуном. Всё менее различимыми в темноте ночи становятся далёкие вспышки. Всё яростнее швыряет «Робкого» кипящее пенистыми волнами ревущее море. И понесла же меня нелёгкая навстречу бурям и штормам, ураганам и тайфунам! Сидел бы в подвале научного центра за переводами японских заумных статей! Так нет же! Романтики захотелось! Вот уже и вспышек маяка не видно. Прощай, Сахалин! От дурноты морской болезни, выворачивающей нутро наизнанку, на ум приходят слова популярной песни:

Ну, что вам рассказать про Сахалин?
На острове нормальная погода!
Прибой мою тельняшку просолил,
И я живу у самого восхода.

А почта с пересадками летит с материка
До самой дальней гавани Союза,
А я бросаю камешки с крутого бережка
Далёкого пролива Лаперуза...

Вот бы мне сейчас туда, на крутой бережок, и камешки бросать! К смотрителю маяка ненароком забрести... Но уже далеко позади мыс Анива, не видно никогда не гаснувших огней его маяка. За кормой пролив Лаперуза. И во властно-бушующем океане мотается на вздыбленных волнах маленький китобоец. Буря рвала неистово вздыбленное море, и казалось, потонула в нём вся земля, и вся планета потрясена этим бушующим штормом. Отвыкший от качки, я исхожу рвотой на безостановочно летающей корме. Уцепившись за леер, то низвергаюсь в провал между водяными холмами, то взлетаю на них, словно на качелях с тридцатиметровым размахом. Стороной в нескольких милях, теряясь в волнах, встречным курсом движется японское судно. Топовый огонь на его мачте то появляется, то исчезает за водяными холмами. Блевать уже нечем. Лёжа грудью на леере, судорожно сотрясаюсь в приступах непроходящей тошноты. Дышу тяжело, со стонами, и слёзы катятся из глаз: не из жалости к самому себе, а от мучений качки. Моторист Боря Далишнев сменился с вахты в «преисподней» – загазованном и жарком машинном отделении. Подставляя потную грудь холодному ветру, хлопал по ней ладонью, блаженствовал:

– О-ох... Хорошо-то как... О-ох... Что, плохо, Генаха?

– Сил нет, Боря... Подыхаю...

Широко расставив ноги, Борис вытирал ветошью замасленные руки, ободряюще, с весёлыми нотками в голосе крикнул:

– Привыкнешь... Море – суровая школа. Терпи, моряк. Бог терпел и нам велел... Знаешь поговорку?

Я кивнул, согнувшись в позыве рвоты. Ища сочувствие, поспешил ответить:

– Нет, Боря, не привыкну... Шторм не утихнет... Никакой надежды...

– Надежда всегда есть. А ты к Богу обратись с молитвой. Знаешь, как русские мореходы в старину говорили: «Кто в море не хаживал, тот Бога не маливал». Ещё Давид говорил: «Надейся на Господа, мужайся, и да укрепляется сердце твоё, надейся на Господа...» Молись, испроси у Господа сил стерпеть муки качки.

– Не верующий я, Боря... И молитв не знаю. Как же мне молиться?

– Верь не верь, а только Бог в тебе. Он в каждом из нас. Обратись к Нему.

– Тебе легко говорить, ты не укачиваешься... На что мне надеяться?

– И пророк Иова, настрадавшись, говорил в отчаянии: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: “зачался человек!.. Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою?”» Господь услышал молитву его, и кит изрыгнул Иову на берег моря... Обратись к Господу... Но искренне, с верой в Него.

Пока он изрекал эти премудрости, меня окатило волной. Я глядел на него с бессознательным удивлением.

– Сказки рассказываешь, Боря... Не до них мне сейчас...

– Воздень руки к небу и скажи: «Господи, помилуй. Помоги мне». Потом оторвись от леера и ступай в каюту. К утру оклемаешься.

– Что-то не верится мне в чудесное исцеление от морской болезни...

– Ну, как знаешь... Ладно, всё будет абдемаг!

Моторист швырнул тряпку за борт и, наклонясь навстречу резкому порыву ветра, шагнул к переборке. Тяжёлая дверь захлопнулась за ним, и я остался наедине с отвратительным ощущением тошноты, сотрясающим меня рвотным иканьем. Спускаться вслед за мотористом в душную каюту я не хотел: здесь, на свежем воздухе, страдания казались легче. И без веры, но с отчаяния прокричал я в непроницаемую темень неистовой стихии:

– Господи! Помилуй меня несчастного... Нет сил терпеть... Помоги выдержать адовы муки качки! Надели волей выстоять в этом испытании!

Продрогший и промёрзший насквозь, с мутными и жалкими глазами, я мешком свалился по трапу в каюту, ёжась от холода, забрался на койку, где с особым удовольствием ощутил уют и тепло. В лежачем положении полегчало, но совесть мучила: «Чугунов один, без электрика стоит вахту в гребном отделении». Но нет силы, способной сейчас оторвать меня от койки. А ведь знал, что буду блевать, неистово пытаюсь изрыгнуть внутренности, исходить прозрачно-зеленоватым желудочным соком, но всё-таки пошёл в море! Ещё и переживал, возьмут или нет в плавание. Безумец! Обо всём этом думал я, цепляясь за цепочку, на которой висит койка, и в стенаниях проклиная свой никчёмный вестибулярный аппарат. Ведь другим-то хоть бы хны! Счастливчики! Под утро буря поутихла, качка стала слабее. Я выполз на верхний мостик, где было тесно от китобоев. Горя нетерпением поскорее добраться до «Славы» – нашей плавбазы – и с азартом включиться в охоту на китов, моряки заполнили мостик, стояли на его крыльях, жадно всматриваясь в пенную даль. Встретили меня восторженными возгласами и шутивными подначками:

– О, глазам не верю – Геннадий на мостике! Картина Репина «Не ждали»!

– Скорее, картина Иванова «Явление Христа народу»!

– Держись, киты! Наш Гена ожил!

– Кого мы видим?! Светило собственной персоной!

«Светило» – прозвище электрика. Никто не упрекнул, что это самое «светило» двое суток не стояло вахту. Моряки – народ понимающий. Знают: «Оклемается парень, всё будет абдемаг!» А спроси Борю Далишнева, что означает его любимое словечко, засмеётся в ответ: «Нормально, абдемаг и всё!» На любые сомнения у Бори следовал быстрый ответ:

– Всё будет абдемаг! Предай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся. И зывай к Нему, когда тяжело тебе, но не приемли имени Господа Бога твоего всеу.

Меня ещё слегка мучило, но не так сильно, как ночью, и я, пошатываясь от слабости и лёгкой

качки, явился на вахту. Чугунов встретил неизменной улыбкой на добродушно-красном лице. Сгрёб стопу журналов, которые читал.

– Ну, я пойду тогда. Вздремну чуток. Рули тут без меня... Но если что, сам знаешь... Поднимай меня.

И он, пыхтя, поднялся по трапу, а я уселся за конторку и, стараясь не думать о качке, стал записывать в журнал показания приборов. Зазвонил телефон. Я торопливо снял увесистую трубку с большим наушником. В нём страшный гул и грохот: работают дизеля.

– Гена, приди посмотри... Что-то пожарник не включается...

«Пожарник» – пожарный насос. Помимо своего прямого назначения, он гоняет забортную воду, охлаждая рубашки двигателей. Беру сумочку с инструментами, иду в машинное. Сначала в крутую гору лезу по проходу левого борта – это на волну «Робкий» взбирается. Потом вдруг – у-ух! Срывается в провал между огромными волнами. Глухой удар килем о воду. Узкий коридор становится крутой горой в обратную сторону. На заднице лечу по палубе, выставив руки вперёд, чтобы не ушибиться о переборку, но судно неожиданно кренится на левый борт, и я больно припечатываюсь к железной задрайке двери, ведущей на камбуз. Ещё не успел подняться, как коридор встал на дыбы, и я кувырком покатился назад, шарахнулся о гальюнную дверь и только теперь ухватился за длинный поручень, тянущийся справа вдоль всего коридора. И снова карабкание в гору, сбегание вниз, но вот и люк машинного. Там свету белого не видать. В прямом и переносном смысле. Тускло дрожат на подволоке закопчённые светильники. Чад и гарь от выхлопных газов сизым туманом висят над грохочущими дизелями. Коллектора на головках дизелей раскалены докрасна, и жарница невероятная. А грохот такой, что напрасно надрывать и кричать изо всей силы – всё равно ничего не услышишь. Борис, по пояс голый, со шлемофонами на голове. На груди, испачканной машинным маслом, болтается на суровой нитке простой алюминиевый крестик. Борис наклоняется к моему уху и щекотно кричит в него:

– Пожарник сдох... А без него труба дизелям...

Я молча киваю. До «пожарника», а вернее до распределкоробки с предохранителями, ещё добраться надо. Умудриться пройти между раскалёнными трубами коллекторов, между которыми всего один шаг, и не обжечься. И не просто пройти, а проелозить по замазанным поёлам, уходящим из-под ног и вскрытым в некоторых местах. При этом отчаянно пытаюсь устоять на ногах, не схватиться руками за горячие трубы, перешагнуть через открытую нишу трюма, где плещется грязный соляр. Мотористам часто приходится крутить в выгородке трюма топливные вентили, и, чтобы не утруждать себя поёлами, они не нашли ничего лучше, как убрать их с кронштейнов. Совершив почти акробатический этюд, подбираюсь с «контролькой» к коробке с предохранителями. Так и есть: сгорела плавкая вставка. Заменяю её и, повторив те же немислимые «па», вернулся к Борису, проорал ему:

– Включай!

Борису орать не обязательно: по губам, по жестам моим догадался, кнопку нажал. Стрелка манометра дёрнулась, замерла на нужном делении. На чумазом лице моториста радостная улыбка. Кричит мне в ухо:

– Всё абдемаг, Генаха! Я же говорил тебе, что оклемаешься с Божьей помощью. Господь с нами!

Борис хотел со мной ещё пообщаться, но, чумовой от грохота и угарного газа, выедавшего слезящиеся глаза, я не в силах был терпеть «душегубку», от которой кружилась голова и страшно тошнило. Находиться в машинном отделении, прозванном мотористами «преисподней», без привычки невыносимо. Дело в том, что ветер часто меняется, дует то в одну, то в другую сторону. Вентиляторы, предназначенные нагнетать свежий воздух в машинное отделение, захватывают вместе с ним и выхлопные газы. Бедный Борис! Он стоит четыре часа вахты у четырёх дизелей плюс вспомогательный. Сменившись, ползет в «воронье гнездо» на марсе китобойца высматривать в бинокль китов. Но Борис всем доволен. Целует свой крестик и весело машет вслед мне рукой:

– Всё будет абдемаг!

Однажды, уже в тропиках, когда тоска по берегу стала одолевать меня, он заявился ко мне в каюту с томиком Библии.

– Помнишь, ты как-то уже брал её у меня из любопытства. Читай, и да поможет тебе Бог выстоять.

Не скрывая иронии, я посмотрел на него:

– Нет, ты серьёзно? Что подумает обо мне секретарь парткома «Славы», если узнает, что читаю Библию? Ведь я хочу вступить в партию...

– Знаешь такой анекдот: «Абрам с радостью сообщает Саре: “Я вступил в партию!” А она ему: “Вечно ты во что-нибудь вступишь. Вчера в дерьмо. Сегодня в партию”»... Партия порушила церкви и продолжает рушить веру в Христа. Партия – дело политиков, борющихся за власть. А Библия – свод заповедей Божьих, выполняя их, люди обошлись бы без войн. А войны, по утверждению Ленина, есть продолжение политики. Можешь не верить в Бога, но в Библии много полезных советов, которые пригодятся в жизни. Читай, и всё будет абдемаг! И хотя ты университет закончил, не можешь с полным основанием считать себя образованным человеком, если толком не знаешь Священного Писания.

– Логично, – ответил я, чтобы не обидеть приятеля. Он ушёл, а я, озадаченный его словами, открыл книгу с православным распятием на обложке. Начал читать, и чтение увлекло меня в сладостный мир познания истин человеческого бытия. И неожиданно для самого себя, воскликнул:

– Боже мой! Как можно не читать Библию?! Ведь это кладёзь мудростей, которые дороже всех земных богатств!

Славный, добрый Борис! Не знаю, как сложилась твоя дальнейшая жизнь, но всегда с благодарностью вспоминаю тебя, ибо ты первым заронил во мне зёрна веры в Бога. Пробиваясь наружу, на свет Божий, долго прорастали они в моей мятущейся душе слабыми ростками, пока созрели налитыми верой колосьями. Храни тебя Бог, ровесник мой дорогой! Благ тебе всяческих, здоровья и долголетия!

...Шторм утих. Полоска зари обозначилась оранжевыми сполохами рассвета. Пустое небо бледно светлело. В расплывчато-белёсом тумане матово поблёскивали белые надстройки китобойца. Окутанный лёгкой сиренево-голубой дымкой, «Робкий» неслышно скользил по глади океана. И если бы не топовый огонь, мерцающий на мачте дрожащей звёздочкой, его мутный силуэт вполне сошёл бы за призрачную тень «летучего голландца». Зелёное, как малахит, море, не дыбилось пенными валами, а лениво колыхалось гладкой мёртвой зыбью. Тяжёлая пепельница из уральского камня уже не елозила по столу, не налетала с глухим стуком на ограничительные планки. Ночью кто-то оставил открытой дверь, ведущую в нижние жилые помещения электриков, мотористов, матросов. Шальные волны, накрывая кормовую палубу, нахлестали через комингс воды столько, что, проснувшись, я увидел свои китобойные сапоги плавающими по каюте. Чертыхаясь, принялся вычерпывать её алюминиевой чашкой. Наполнив ведро, карабкался с ним вверх по уходящему из-под ног трапу, выплёскивал воду прямо на железный настил, до блеска отшлифованный подошвами сапог. Слепящий глаза огненный диск солнца поднялся над горизонтом, и малахитовый цвет моря посветлел, преобразился в синь бирюзы. На востоке, где лазурь неба смешалась с лилово-бордовыми красками кучевых облаков, море зарозовело нежным александритом, зарделось рубином, засверкало алмазом. Но тёплый ветер уже нагнал с юга гряды перистых, молочно-белых облаков, и они протянулись причудливыми полосами, образуя фиолетово-розовые воздушные горы. Ничто не сравнимо с чистотой и богатством тонов утренней зари в тропическом море! В степи, в горах, в пустыне, в тайге, в тундре обзор заслоняют холмы, сопки, барханы, островерхие вершины гор, зубчатые кромки лесов. Нет там идеального круга, очерченного каймой горизонта, с игрой света, отражённого серебристо-зеркальной поверхностью моря. Впрочем, пытаться словами обсказать красоту заката или утренней зари в спокойном тропическом море – всё равно, что влюбиться по заочной переписке. Искусство отобразить эту несказанную красоту под силу лишь гениальным писателям и живописцам. Моё же перо, увы, бессильно перед ней. Её видеть надо! Оставим это непосильное занятие художникам-маринистам сродни непревзойдённому мастеру кисти Ивану Айвазовскому. И всё же порой не сдерживаюсь от соблазна запечатлеть в дневнике свои восторги от созерцания красот морских зорь в тропических широтах.

Громыхнув в последний раз жестяной банкой из-под томатной пасты, заменявшей ведро, я зашвырнул её за борт и заторопился на вахту. Привычно скользнул на локтях в гребное электроотделение по обшорканным до блеска поручням трапа, посмотрел на часы: без четверти восемь. Не опоздал!

– Генаха! Скорее на мостик! – услышал я громкий оклик. Встревоженный зычным голосом, взглянул вверх: в дверном проёме Борис Далишнев с весёлым, радостным лицом машет призывно рукой:

– Фонтаны на горизонте!

В руке моториста поблёскивает объективом фотоаппарат «ФЭД». Вслед гулко бухающим сапогам неунывающего моториста застучали мои. Через минуту мы оба втиснулись на крыло мостика среди других китобоев, взбудораженных криками:

– Киты! Три фонтана!

– Где? Не вижу...

– Да вон... Прямо по носу!

Охваченный азартом долгожданной охоты на китов, я возбуждённо всматривался в сверкающую на солнце гладкую, без ряби даль. Там поочерёдно вздымались три фонтана серебристых струй, блёстками рассыпавшихся над водой.

– Они выше, чем у финвалов, – не отрываясь от бинокля, крикнул с марсовой площадки Максим Васильев.

– И не похожи на облачка пара, как у кашалотов, – заметил боцман Ануфриев.

– Не гадайте... Это синие киты... Блювалы, – знающим тоном отозвался капитан Павел Иванович Обжиров. Пыхнул сигаретой, деланно-равнодушно перевёл рукоятку машинного телеграфа на «Полный вперёд!». «Робкий» качнулся, заметно убыстряя ход, понёсся на всех оборотах к спокойно фонтанирующим китам.

– Славно сегодня поохотимся! – потирая ладони, не сдержал восторга старпом. Гарпунёр Михаил Курганович, кавалер ордена Ленина, широкими шагами пошёл по переходному мостику к пушке, возле которой хлопотал его помощник Евгений Кузнецов. Снял чехол, и смертоносное оружие хищно ощетинилось гарпуном, торчащим из жерла. Курганович – широкоплечий, коренастый, немногословный, угрюмый, с красным обветренным лицом, встал к пушке. Часто оборачиваясь, бросает взгляды на рулевого: готов ли тот чётко выполнять его команды, подаваемые жестом руки. Заблестевшие глаза китобоя выдают его волнение от предстоящего выстрела. Прوماхнуться в такую погоду в первый день охоты да ещё в синего гиганта было бы стыдно. Гарпунёр притопывает, переминается с ноги на ногу, выискивая подходящие точки для них, вертит стволом влево-вправо, держась за длинную рукоять, принаравливается к стрельбе. Наша судовая любимица «двортерьерша» Светка вертится у его ног, нетерпеливым лаем выражает всеобщий восторг.

– Курганович стреляет, не глядя на прицельную планку, – наклонясь ко мне, заметил моторист Гайчук. – У него пять медных пуговиц нашиты на куртку. Упрёт в живот ручку со спусковой скобой до нижней пуговицы – ствол вверх задерётся. На верхней прижмёт – вниз опустится. Прикинет расстояние до цели и нужную пуговицу на брюхе найдёт. И набойки у него на каблуках под свой рост.

– Да ну-у... И не мажет никогда?

– Случается... Но редко... Под ласт кита бьёт. Верный выстрел. А промахнётся – злой сделается, лучше не подходи к нему.

Но вот и киты. Мы приблизились к ним на кабельтов, когда, напуганные шумом винта, могучие животные дружно «дали хвоста» – взмахнули огромными лопастями и ушли на глубину. Китобоец сбавил ход до «малого» и, чтобы не терять время на разворот, почти на месте выписывал плавные круги. Взгляды всех устремлены в разные стороны: неизвестно, в какой стороне вынырнут эти исполины – скитальцы морей. Проходят напряжённые десять, пятнадцать минут, и марсовый матрос, высунувшись по пояс из «вороньего гнезда» на фок-мачте, будоражит всех истошным криком:

– Справа – тридцать! Выходят! Выходят!

Для пущей убедительности Максим машет рукой, указывая направление, но и без этого все видят, как вынырнувшие киты взметнули над водой высокие фонтаны брызг. «Робкий» резво рванул к ним, но гарпунёр, не оглядываясь и не отклоняясь от пушки, предостерегающе поднял руку: «Малый ход!» Мы подошли на полкабельтова к плывущим синевато-серым громадинам. Чтобы выдохнуть фонтан, они появляются из воды на пять-шесть секунд. Если учесть, что палуба под ногами гарпунёра наклоняется влево-вправо, поднимается и опускается, то поймать кита на мушку за это короткое время дело не простое. Курганович припал к пушке, затопал ногами, широко расставляя их и прицеливаясь. Пальцы левой руки гарпунёра и впрямь, словно по клавишам, бегали по пуговицам, перебирали их, искали нужную. Вот сейчас, через секунду-другую, грохнет выстрел. Кузнецов зажал уши ладонями, но, когда казалось, что вот-вот Курганович нажмёт на спуск и пушка окутается дымом, киты исчезли из виду. Снова минуты томительного ожидания. Пристально всматриваемся в прозрачно-зеленоватую глубину.

– Миша, выходят, выходят! – нетерпеливо кричит с мостика боцман, но гарпунёр уже и сам видит, как по левому борту рядом с носом китобойца поднимаются из воды свинцово-серые спины блювалов. Курганович крутнул пушку, поводя стволом вниз.левой рукой успевае подаь знак рулевому повернуть на полрумба влево и одновременно правой: «Стоп, машина!» «Робкий» закачался на месте, но внутри его корпуса глухо рокочут дизеля, от их шума киты снова занырнули, но надышались мало и теперь погрузились ненадолго и неглубоко. Они плыли почти у самой поверхности и напоминали бледных призраков, быстро увеличивающихся в размерах. Вот блювалы вышли, с шумом выдохнули высокие струи. Самый большой из них – гигантский кит, весь обросший моллюсками, губками и ракушками, всплыл на поверхность громадным живым рифом. Мокрая, блестящая бело-синяя спина гиганта отливала то сталью, то перламутром, то сияла королевской мантией, украшенной самоцветами. Набирая воздух, кит раскрыл широченную пасть. Столбы водяных брызг вырывались из неё, играя на солнце всеми цветами радуги. Но тут киты хлестнули по воде могучими хвостами и снова скрылись в глубине. Однако слишком мало находились наверху, запаса кислорода им не хватит на длительное погружение. Совершенно неожиданно блювалы выплыли со стороны правого борта. Ближний кит каскадом воды окатил гарпунёра и его помощника. И словно в отместку прогремел выстрел. Глухо ухнула в теле кита чугунная граната. Раненое животное стремительно ушло в глубину. Разматываясь, с бака полетели в воду белые кольца капронового линя, быстро уходящего под воду. Вот канат уже распрямился, и тотчас провис блок пружинного амортизатора – загарпуненный кит с такой чудовищной силой туго натянул лить, что витые нити его заскрипели, угрожая лопнуть и хлестким ударом перебить надвое любого зазевавшегося китобоя. Всё на судне заходило ходуном. Забегали матросы, загрохотали блоки, и даже судовая собачонка Светка, заскочив по трапу на бак, залилась лаем. Старший механик Чупров с неизменной трубкой в зубах, управляя лебёдкой, зорко следит за натяжением капронового троса толщиной в два пальца, вовремя даёт слабину. Сейчас он вываживает кита подобно рыбаку, поймавшему большую рыбу: то отпускает кита «погулять», изматывая его, то подтягивает ближе к судну. Трос, выдерживающий на разрыв сто пятьдесят тонн, то звенит струной, то безвольно опускается, и Чупров быстро выбирает его, наматывая на барабан лебёдки. Синий исполин то всплывал, то сразу, вскинувшись огромной тушей и всплеснув тонны воды, почти вертикально нырял. Ослабевшее, потерявшее много крови животное не сдаётся, это видно по тому, как со стуком дёргается на мачте блок амортизатора. Но вот кит поднялся из глубины совсем близко от «Робкого». Метким выстрелом Курганович всаживает в тело левиафана второй, с обрезанными лапами и без линя добойный гарпун. Ещё одна граната бухнула в китовых недрах. Чугунные осколки толщиной в ладонь разорвали лёгкие и сердце величавого красавца, ещё минуты назад являвшего собой чудо природы, её величие и гордость. Блок амортизатора с дрожью успокаивается, но кит ещё жив. Умирая, бьёт огромным хвостом по металлическому корпусу судна, и удары его отдаются стуком кувалды по пустой бочке. Наконец перевернувшийся бело-полосатыми гофрами живота вверх кит затихает возле борта. Изумрудно-зелёная вода вокруг него, окрашенная кровью, становится нежно-розовой, малиново-красной. И сразу топот ног на палубе: китобои бросились на обработку туши.

Быстро, без суеты делается дело. Борис Далишнев щёлкает фотоаппаратом. Матрос Федя Филинов втыкает в убитого кита полую пику со шлангом, накачивает тушу воздухом из компрессора. Помощник гарпунёра Евгений Кузнецов и боцман Александр Ануфриев заряжают пушку новым гарпуном.

Рулевой Иван Безбородько удерживает судно рядом с плавающим китом. Вахтенный электрик, в данном случае я, готовлю «плавучку» – длинный бамбуковый шест, воткнутый в кругляк пенопласта и с пустой гарпунной гранатой, надетой на нижний конец шеста для остойчивости на воде. К шесту подматываю изолентой щелочной аккумулятор, соединённый проводками с лампочкой на верхнем конце. Рядом с ней подвязываю «флаг» – полоску ткани, чтобы не спутать с чужим китом. Такой светлячок поможет ночью быстрее отыскать плавающую в темноте китовую тушу. Для надёжности начальник радиции Петрович (не помню имени, фамилии тихого, незаметного человека со сломанным носом) прикрепляет к бамбучине радиобуй: на периодически посылаемые сигналы он и выведет судно.

– Поторапливайтесь, ребята! – подгоняет старпом Юрий Емельянов.

Готовую «плавучку» боцман прихватывает капроновым шнуром к хвосту кита и бросает за борт. Федя Филинов острым фленшерным ножом обрезает лить от гарпуна, торчащего в убитом ките, во-

круг которого уже медленно бродят акулы. На кусок китового мяса, нацепленный на крюк из толстой проволоки, моторист Стукалов поймал двухметровую акулу. Мы выволокли страшилище на кормовую палубу, чтобы получше рассмотреть хищницу. Шкура у неё как крупная наждачка. Шёркнет боком о тело и мигом кожу сдерёт. Желтоватый живот, выпученные глаза, широкая зубастая пасть вызывали неприятное зрелище, сравнимое с видом перевёрнутой вверх брюхом гадюки. Стукалов ножом распорол акуле живот, из него вывалились внутренности. От их гадостного вида нас чуть не стошнило, и Стукалов быстро спихнул морскую разбойницу за борт. Распотрошённая акула, как ни странно, пыталась плыть. Столь чудовищная живучесть объясняется отсутствием у этих животных нервной системы. Удалиться от борта истерзанной ножом акуле удаётся не более десятка метров: на неё тотчас набрасываются кровожадные собратья, и от грозной обитательницы океана остаётся лишь тёмное пятно на воде.

На всё про всё уходит не более получаса.

Жил-был в необъятном море-океане столетний великан-кит. Плавал себе, одними крыльями (мелкими креветками) и планктоном (мельчайшими рачками) питался, фильтруя воду через роговые пластины с бахромой по краям, густыми рядами заполнившими китовую пасть, за что и прозвали его усатым, а за непомерные размеры – левиафаном-чудовищем. И вот пришли невзрачные рядом с ним человечки, отыскивали безобидное животное среди необозримых просторов. Бах! Полчаса неравной борьбы, море крови – и нет столетней жизни чудовища-левиафана. Так ничтожный скорпион убивает большого рядом с ним человека. Так маленькая мышь до смерти пугает слона. Так невидимый глазу микроб может убить миллионы людей и животных. Что же в таком случае говорить о гомосапиенс – человеку разумном, придумавшем гарпунную пушку с разрывной гранатой и китобойную разделочную плавбазу?! Разумный ли это человек?

Матрос-наблюдатель Макс Васильев, взобравшись по фок-мачте до самого клотика, не отводит бинокля от далеко ушедшей пары блювалов. Высокие, метров по семь-восемь, струи кажутся ему с марса-рея белыми пушинками на ровной линии горизонта. И только два человека, не вмешиваясь в слаженные действия команды, свободно расхаживают – один, заложив руки за спину, с чувством умело выполненного дела, стоит на баке у пушки, другой попыхивает сигаретой на мостике. Со стороны может показаться, что ни гарпунёру, ни капитану нет дела до всего происходящего на палубе. Нет, напротив, они внимательно следят за всем, они ответственны за судно, за жизнь этих людей, и любое даже незначительное нарушение мер безопасности может привести к непоправимой беде. Пристально посматривая с мостика вниз, Павел Иванович бросает короткие взгляды наверх: если марсовый молча смотрит в одну точку, туда, где в бликах солнечных лучей скрылись киты, значит, он ещё не потерял их.

– Готово! – колобком вкатывается на мостик старпом – низкорослый, крутобокий, с отвисшими щеками и животом. Снимает фуражку, вытирает вспотевший лоб. Военно-морской офицер, бывший штурман эскадренного миноносца «Вольный». Грамотный судоводитель, не придиричивый и компанейский, Юрий Михайлович Емельянов был уважаемым человеком на китобойном судне.

– Опыт службы не пропьёшь и за деньги не купишь... Да, Павел Иванович? Ловко мы с ним управились... Метров тридцать с лишком будет малыш. Тонн на сто пятьдесят потянет, не меньше...

– Нам бы ещё тех догнать, – ответил капитан, переводя рукоятку машинного телеграфа на «Полный вперёд!».

– Курс зюйд-вест! – отдал он приказание рулевому. Иван Безбородько заложил крутой вираж, отчего на камбузе у кока Володи Шитова съехала со стола кастрюля с рисовой кашей. Оставляя позади пенный бурун, «Робкий» помчался догонять далеко уплывших китов, в такую тихую и ясную погоду обречённых стать следующими жертвами безжалостной бойни. Не прошло и часа бешеной гонки, как мы настигли китов. И всё повторилось, как по заранее написанному сценарию: уходы блювалов на глубину, короткие их преследования, меткие выстрелы гарпунёра, накачка туш воздухом. С единственной лишь разницей: последнего убитого кита мы не бросили на «флаге», а цепью, пропущенной через клюз, подобрали кита к левому борту и отправились подбирать двух добытых раньше.

– С успешным началом путины, Михаил Сергеевич! – поздравил Кургановича старпом. Гарпунёр хмуро посмотрел на потемневшие к вечеру облака, на небольшие волны, с которых ветер уже срывал клочки пены, угрюмо ответил:

– Нам бы не потерять остальных. Погода портится. А путину добрые люди ещё пару месяцев назад начали, не в пример некоторым...

И он, по морской привычке, широко расставляя ноги, насупившись, ушёл в свою каюту, расположенную рядом с капитанской. Под «некоторыми» Курганович, понятно, имел в виду разинь, прозевавших затопление гребного отделения, из-за чего мы позже всех пришли в океан. Прав был гарпунёр: погода и в самом деле менялась. Барометр в ходовой рубке показывал понижение атмосферного давления. Сине-лиловые, зеленовато-бирюзовые цвета неба слились с зеленовато-золотистыми красками моря, поражая богатством тонов и оттенков. Краски потускнели, и серые облака вытянулись в огромную тучу, под которой всё ниже к горизонту опускалось солнце. Туча увеличивалась в размерах, напоминая своими очертаниями старинную крепость с башенками, стенами, уступами. Она заняла уже полнеба, быстро мрачнела, закрыла собой остывающий солнечный диск, лучи которого ещё прорывались сквозь её рваные края. Заметно посвежело. Повсюду стали видны белые гребни волн. Шквалистый ветер трепал тенты на шлюпках. «Робкий» раскачивался, клевал носом, когда мы подбирали убитых ранее китов. Плавники и губы у них были объедены акулами. Вода рядом с китами, смешанная с их кровью, отражая свет красных облаков, отливала дорогим бургундским вином, переливалась малиново-розовыми волнами. С шипением перекачивались через палубу волны, ударяли в ограждение ходового мостика, рассыпались мириадами брызг. Вой и свист ветра заглушали гул дизелей, непрерывно бухающих в машинных отделениях. С бортов стекали струйки воды из системы охлаждения – их горячий пот. Зазвонил телефон в гребном электроотделении. В трубке грохот и шум. И бодрый голос Бориса Далишнева:

– Гена! В машине темновато... Лампочка в плафоне перегорела... Сделай, чтобы всё абдемаг было!

Лампочек под рукой нет. Запасные в шкиперской на полубаке. Но как дойти до кладовой по палубе в такую волну? С минуту выжидаю, высчитываю секунды, за которые волны накрывают палубу и сбегают с неё. Вот нос судна погрузился, и вся передняя часть скрылась в зелёной воде... Вот носовая часть поднялась, и вода хлынула в клюзы, освобождая мокрую палубу. Успею добежать!

Я рванул к двери шкиперской, но не успел ухватиться за рукоятку клинкета, поскользнулся, упал, вскочить не успел, как тотчас оказался по шею в воде. Палуба ушла из-под ног, и на несколько секунд я оказался плавающим в открытом море. Судно взлетело на волне, вода, стекая с палубы, протащила меня по цепям, болтам к правому борту, ударила о кнехты. С мостика в мой адрес полетели матюги вахтенного штурмана. Я попытался вскочить, но опять не успел, палуба опустилась, и я снова оказался на уровне забортных волн. И счастье, что, отхлынув, они не унесли и меня с собой. С ушибами, насквозь мокрый, я лихорадочно вскочил, открыл дверь и лишь захлопнул её за собой, как она вздрогнула от мощного удара волны. Обратный путь с коробкой лампочек я пробежал без падений, покрываемый с мостика всё теми же отборными ругательствами.

С одним блювалом, самым крупным, пришвартованным по правому борту, и с парой других, чуть меньше, подвязанных за хвосты один за другим по левому борту, мы потащились к плавбазе. Распространяя вокруг себя тошнотворную вонь от жиротопных котлов, в окружении стаи мельтешащих в прожекторном луче чаек-глупышей и сновавших в воде акул, «Слава» лениво качалась в сотне миль западнее Гавайев. За её кормой, в очереди на разделку, на стальных тросах тащились киты, добытые другими китобойными судами флотилии. К ней, к матке своей, на полную мощь четырёх дизелей упирался против шквалистого ветра «Робкий». В свете его бортовых огней на фоне тьмы и пенных волн ужасающим блеском сверкали плавники на хвостах чудовищ. Они по краям обрезаны для удобства транспортировки и затаскивания убитых китов в слип плавзавода. Время от времени судно сотрясается от тяжёлых ударов китовых туш.

С китами, подхваченными за хвосты слева и справа, «Робкий» напоминал собой запоздавшего охотника, тащившего к светившему в темноте костру длинные ветки – подхватив подмышки под обе руки. Или усталого дачника, убиравшего с участка срубленные старые яблони – комлями вперёд, ветвями, чтобы не мешали, – назад. Шквалистый ветер навалился с такой силой, что «Робкий» начал раскачиваться, зарываться носом и принимать воду на палубу. Она гудела под ударами волн, которые, шипя, носились по отмытому до желтизны дощатому настилу, не успевая уйти за борт. Временами волна, разбившись о фальшборт, подхваченная ветром, проносилась над ходовым мостиком, обдавая нас тучей брызг. Брякали якорные цепи, вибрировал корпус, отчего дрожали поручни и тряслись переборочные двери, позванивали тарелки в посудном шкафу на камбузе. То и дело задиралась корма, и оголённый винт рвал воздух. Всё труднее судну взбираться на водяные валы с

многотонными тушами. Всё яростнее накатываются волны на низкую палубу «Робкого», гремя цепями клюзов. Ключья белой пены срываются с их гребней. И вот уже всё тонет в рёве шторма, заглушающего перестук дизелей, молотящих на полную мощь. Слышны глухие удары о борта: китовые туши со скрежетом царапают их торчащими гарпунами.

Далеко за полночь визгливый лай Светки возвестил о подходе к «Славе», окутанной облаком пара, пропитанным тошнотворным запахом ворвани – китового жира. Мы отдали китов и, взлетая на волнах, заболтались рядом с плавбазой в ожидании почты. Днём раньше в район промысла приходил танкер из Владивостока, и каждый из нас надеялся на посылку или письмо. Стрела крана брякнула на палубу «Робкого» плетёную корзину, окованную обручами. В ней оказалось несколько обшитых серой тканью ящиков, мешок с газетами и письмами. Лишь только пустая корзина поднялась вверх, как «Робкий» затрясся в нетерпеливом ожидании бега и, словно застоявшийся конь, рванул в непроглядную штормовую ночь.

В такую болтанку мне опять дурно и не до выпивки. Я отдал коньяк и шоколадку милейшему Чугунову. Добродушное лицо первого электромеханика расплылось в благодарной улыбке. Ласково поглаживая бутылку и сочувствуя моей морской болезни, он готов хоть всю путину стоять вахту один. Набив рот кислыми лимонными дольками, я пластом упал в койку, где тошнота переносилась легче. Колыхалась в такт качке занавеска, и пепельница из уральского малахита, ударяясь в ограничительные планки, елозила по столу.

Охота на кашалота

Когда, обхватив руками клотик фок-мачты, я радостно кричал: «Вижу фонтаны!», когда ревниво смотрел на экран соревнования с другими китобойными судами за количество убитых китов, думал ли, что участвую в кровавой бойне беззащитных животных и наносю природе колоссальный вред? Беспокоила ли мысль, что, горя желанием уйти в море на зверобойной шхуне, буду убивать котиков и тюленей, стану живодёром, окропляя чистый снег кровью морских животных? И уж, конечно, и в голову мне не приходило, что пройдут годы, и буду чувствовать угрызения совести и вину за содеянное.

В последние дни путины, когда «Робкий» выполнил и перевыполнил план добычи китов, капитан Обжиров в виде развлечения позволил сделать выстрел по киту каждому члену экипажа. Подражая Кургановичу, я стоял у пушки на широко расставленных ногах. К большому финвалу «Робкий» подошёл метров на тридцать. На пару секунд я задержал прицельную планку на туше кита, круглой и гладкой, и нажал спуск. Выстрел грохнул, кит занырнул, и линь пошёл в глубину. Крики одобрения, аплодисменты на мостике. И громче всех мой голос с бака:

– Ура! Я попал!

В начавшейся суматохе по обработке убитого мною кита не сразу заметили китёныша, вертящегося в кровавой пене возле громадной туши финвала. Её накачали воздухом, подобрали к борту. Это оказалась кормящая самка. Из больших шарообразных сосков китихи обильно текло желтоватое тягуче-густое молоко. Немым укором жестокости по кровавому следу за нами долго плыл её детёныш, обречённый погибнуть от голода. Перед тем как мне выстрелить, пятиметровый малыш плыл с другой стороны рядом с матерью, скрытый её огромным туловищем. Я не видел его. С наступлением темноты несчастный китёнок затерялся в волнах.

...Пятый месяц промысловой путины. После сдачи четырёх финвалов «Робкий» отвалил от слипа плавбазы и сквозь ночную мглу устремился на юго-восток, где в тридцати милях от «Славы» ещё с вечера китобоец «Зоркий» обнаружил многочисленное скопление кашалотов. Полная луна выкатилась из-за облаков, поплыла в небе, освещая ровную поверхность моря, гладкую, как расплавленное серебро. Ярко горят звёзды. В тропических широтах они кажутся более крупными и низко висящими. Вдали, на лунной дорожке чернеет крошечный силуэт «Зоркого». Неслышно является рассвет в спящем океане. Вишнёво-розовыми тонами драгоценного турмалина отливают кучевые облака на востоке. Пенный след от винта «Робкого» прямой линией прочерчивает неподвижное, как стекло, море. Но вот он обрывается, расходится мелкими волнами: китобоец сбавляет ход и, плавно покачиваясь после быстрого бега, останавливается совсем. Неожиданно тишина оглашается восторженным криком дозорного из «вороньего гнезда»:

– Слева по носу фонтан!

«Дынь-дынь-дынь-дынь-дынь...» – гремят колокола громкого боя: сигнал охоты. Дворняга Светка тоже суетится, заявляет о своём пробуждении громким лаем. Во время охоты собака вертится на палубе, и не раз волны окатывали её, угрожая смыть за борт. Судно вздрагивает, сотрясается всем корпусом и срывается с места неутомимым рысаком. Вмиг всё на судне приходит в движение. Топот ног, лай собаки, громкие голоса, бряцанье цепей и гарпунов, буханье подвесных блоков на фок-мачте, скрип тросов на барабане лебёдки: с первыми проблесками зари трудовой день китобоев начался. Общая суматоха напоминает обстановку на корабле, где поднятый по тревоге личный состав разбегается по боевым постам. Одинокий кашалот, старый, обросший ракушками, покрытый рачками, огромный, как плавающая чёрная глыба, мирно плыл, выпуская над собой облачко водяной пыли. Его могучие хвостовые лопасти без всяких усилий поднимались и опускались, не создавая завихрений в спокойной зеленовато-серебристой воде, его обтекаемое тело, совершая волнообразные движения, словно парило в ней. Спереди кашалот схож с форштевнем подводной лодки, а голова составляет две трети туловища, отчего кит напоминает лягушачьего головастика. Приглушённый расстоянием, донёсся хлопок выстрела: «Зоркий» уже начал охоту. А «наш» могучий морской бродяга ушёл под воду. Куда он занырнул? Почуял шум винта и «дал хвоста» от опасности? Или тоже начал свою охоту на кальмаров? Ушёл в зелёную тень глубины, переходящую в фиолетовый сумрак, затем в чёрную тьму, где светятся рыбы и фантастического вида круглые, игольчатые, звездообразные моллюски. Быть может, пройдя сквозь толщу воды, неподвижной и мертвенно-холодной, кашалот хватается сейчас кальмара, сжимает его в пасти зубатой нижней челюстью? И там, во мраке, начинается битва гигантов? Длинными щупальцами, достигающими порой двадцати и более метров, кальмар обвивает голову кашалота, вгрызается ему в голову хищно изогнутым клювом, оставляя на коже рваные белые полосы – свидетельство смертельной схватки. Схватив добычу, кит устремляется наверх, где расправляется с хозяином мрачных глубин. Удивительно приспособлен кашалот к ныряниям на километровую глубину, туда, где вечно царят мрак и холод. Там живут кальмары-исполины, с которыми один кашалот может вступить в единоборство. Кашалот, воспетый в мифах и легендах как сказочное чудовище, легендарный Моби Дик из одноимённого романа Германа Мелвилла, один из загадочных и своеобразных морских млекопитающих, о которых слагались легенды ещё в античные времена. В них кашалот предстаёт перед нами как опаснейший и свирепейший обитатель океана. От него, от чудовища-кашалота, спасает дочь эфиопского царя прекрасную Андромеду древнегреческий герой Персей. Ни одно морское животное не порождает столько восхищения и страха. Полузверем, полубогом представлял себе Моби Дика капитан Ахав. Какими храбрыми, бесстрашными должны были быть китобои, охотившиеся на кашалотов, потопивших немало ботов с людьми! Этот кит и сегодня окутан покровом таинственности. Как удаётся ему выдерживать колоссальное давление воды, погружаться столь глубоко и на длительное время? Кит не приемлет морскую воду – он обрёл загадочную для всех учёных способность превращать солёную воду в пресную. Киты живут, прислушиваясь к голосам сородичей, недоступным слуху человека. Они мигрируют из одних вод в другие, безошибочно ориентируясь в пространстве и во времени.

Раскрыть эти тайны природы предстоит в будущем.

Раннее утро, тихое и спокойное, обещает славную охоту: помимо большого кашалота, которого гоняем мы, в разных местах моря, ограниченного круговым горизонтом, фонтанят стада китов. Над поверхностью ещё дремлющего океана, залитого мягким светом встающего солнца, в голубовато-сиреневом небе висит лёгкая дымка. Изредка над поверхностью воды, рассыпаясь серебристыми искорками, мелькают летучие рыбы. Случается, выскакивая из воды вблизи судна, они падают на палубу, трепеща длинными узкими плавниками, судорожно бьются в руках счастливица, кому удалось первому схватить их. Мокрые бока рыб сияют радужным блеском, а спинки их отливают металлической синевой. пойманных рыб китобои засушивают на сувениры.

Далеко не романтическое это занятие – охота на китов! Скучная, однообразная работа по выполнению плана добычи мяса и жира. Известное изречение Юлия Цезаря «Пришёл, увидел, победил!» капитан Обжиров переиначил на свой лад: «Увидел, догнал, убил!» В тропиках жарыща, духота. В северных широтах, в Антарктике холод, ветра с дождём. В редкие дни там тихая, ясная погода. Всё больше шторма, неуёмная качка. Завтраки, обеды, ужины часто всухомятку: бачки с супом, с компотом вылетают из квадратных углублений на электроплите. В такие непромысловые дни хмурыми, неразговорчивыми, вспльчивыми становятся китобои. Молча, с унылым видом стоят вахту:

на руле, у дизелей, в радиорубке, за штурманским столиком, в гребном электроотделении, в дозорной бочке на марсе. Что гнетёт их? О чём думают бородастые мужчины в сапогах из китовой кожи, в грубых штанах, подпоясанных широким ремнём, на котором висит нож? На шее каждого болтается брелок-амулет из кашалочьего зуба, а на переборке у койки приколота кнопками фотография любимой женщины, детей. Чем заняты их невесёлые мысли в часы вынужденного безделья? Невыполнением нормы добычи китов? Или тоской о родном доме? О лугах, пахнущих свежескошенной травой, и полянах, пестреющих цветами, о грибном лесе и камышовом озере? Точит китобоя тоска по берегу. А придёт с путины домой и скоро заскучает по необъятным морским далям. Таков уж характер человека, которому уготована судьба бороздить океанские просторы. Море – его жизнь и призвание.

Чтобы не только выполнить, но и перевыполнить план по добыче китов так, как того требовали сообразительности, принимаемые всеми трудовыми коллективами, и в их числе экипажами китобойных судов, нужно было в течение сезона доставлять к плавбазе не менее двух-трёх китов в день. В некоторые дни мы загарпунивали семь-восемь, а то и десять-двенадцать. А бывало, за неделю-другую ни одного! Но вот сегодня, кажется, денёк будет успешным. Погода – как на заказ! И китов тьма. Со всех океанов сплылись они сюда, что ли? Стада в десятки, сотни голов фонтанят вокруг. Бывалый китобой старпом Емельянов объясняет мне:

– Мы сейчас южнее Гавайских островов на триста миль. В здешних тёплых водах в это время года киты воспроизводят потомство.

Близость Гавайев подтверждают «Орионы» – тяжёлые американские самолёты-противолодочники. С тягучим рёвом низко пролетают над нами, но мы в нейтральных водах и нам дела нет до их наблюдений за нашей охотой. Несмотря на непомерное количество китов, вспенивающих гладь моря на всей видимой глазу поверхности, мы продолжаем гонять одиночку-богодула, не примкнувшего ни к одному китовому стаду. В приморских портовых городах презренным словом «богодул» называют пожилых здоровых мужиков-выпивохов, не имеющих жены и детей, нигде не работающих, не бритых, обросших, неопрятных, болтающихся без дела. Вероятно, с ними сравнивают и блуждающих по океанам китов-отшельников. Китобои говорят, что киты живут лет сто. Сколько лет нашему богодулу – поди, спроси у него! Но что старый и хитрый, как умудрённая долгой жизнью ворона, это точно. От многих гарпунов ушёл, наверно, этот древний самец – скиталец морей, не подпускающий на выстрел. Уже несколько часов мы не даём ему покоя, в то время как «Зоркий» уже несколько раз бахнул из пушки.

– Павел Иванович! Может, бросим этого дедушку к чертям собачьим? Вон сколько их вокруг! Мы бы уже давно несколько штук взяли... – вслух выразил сомнение старпом. – Время только теряем. Богодул это... Учёный...

Обжиров непреклонен. Щурясь и попыхивая сигаретой, не отрывает глаз от чёрной спины кашалота, тёмной тенью скользившей у поверхности воды. Казалось, ещё немного, и мы подойдём к нему на выстрел. Но опять нам не достаёт каких-то полсотни метров: взмах широких лопастей хвоста, и кит исчезает в глубине. Молчит на баке у пушки и Курганович, не даёт команды повернуть на других китов. Что выражают амбиции приятелей, не одну пушину проплававших вместе? Внутреннюю злость, упорство, задетое самолюбие, азарт охотников? Оба они опытные китобои, хорошо понимают море и друг друга. В каждом из них в соперничестве с изворотливым китом сейчас проснулся гордый, самонадеянный, властный и честолюбивый Ахав – герой всё того же романа Германа Мелвилла. Они не могли и не желали уступать, отказаться от дальнейшего преследования.

Охотиться на неповоротливых кашалотов легче, чем на проворных и быстрых голубых китов, но зато они очень чутки: «наш» кит, едва слышав шум винта, тотчас, задрвав хвост, скрывается под водой. Застопорив ход, «Робкий» тихо скользит, разрезая острым носом зелёную волну. Все застыли на своих местах. Давно снят чехол с заряженной пушки. Не отходит от неё Курганович. Крутится у ног его Светка, но гарпунёр не отгоняет собаку. Встречная волна, ударяясь о нос судна, осыпает брызгами и гарпунёра, и собаку. Светка отряхивается, а Курганович, увлечённый погоней, не утирает мокрое лицо, не отрывает глаз от прицельной планки. Вдруг почти у самого форштевня с шумным сипением взметнулся фонтан. Кашалот наполовину выскакивает из воды, на секунду зависает на фоне сине-зелёной глади и с оглушительным шумом, подняв тучу сверкающих брызг, обрушивается в море. И ментально прогремел выстрел. В облаке сизого порохового дыма пушка, гарпунёр и лающая собака.

– Эх! – враз вырвалось у всех, кто стоял на мостике. Хитрый кит вынырнул так близко, что угол наклона пушки не позволял опустить ствол ниже. Однако нервы Кургановича сдали, он поторопил-

ся, взял прицел выше. Стокилограммовый гарпун, разматывая линь, ударил кита по корявой спине, отрикошетил и полетел ввысь на длину линя, дёрнулся и бумерангом пошёл назад.

– Ложись! – истошно заорали все, падая, кто где стоял, под защиту ограждения ходового мостика. Через пару секунд сработал детонатор и рванула граната. Толстые куски чугуна с дребезжащим воем пронесли над нами, пошлёпались в воду далеко за кормой. Там же упал и гарпун с линём.

– На войне как на войне! – пошутил кто-то. Происшествие никого не смутило: разрыв гранаты гарпуна, пролетевшего мимо цели, удары осколков по стальным бортам судна – явление не редкое в китобойной практике. Пушка заряжена новым гарпуном. Пока выбирался правый линь, левый уже подвязан, готов к выстрелу.

– Ну, теперь этот хитрец получил по хребтине, к нему не подойти будет, – выражая общее нетерпение, раздражённо сказал старпом.

Кашалот всплыл неподалёку, мощно фонтаня.

– Он играет с нами в кошки-мышки, – переводя рукоятку машинного телеграфа на «Самый малый!», не обратив внимание на слова старшего помощника, буркнул капитан. – Этот умник откровенно издевается над нами. За пацанов держит нас. Ладно, посмотрим, кто кого... Главное, создать одесский шум, похожий на базар...

Капитан и гарпунёр словно сговорились не прекращать охоту на «умного» кита. Кашалот чёрной горой всплывал метрах в ста то с левого борта, то с правого, то вдруг появлялся позади нас, шумно выдыхал фонтан и погружался. Временами казалось, что не мы его гоняем, а он заставляет нас крутиться, изматывает наши силы, испытывает терпение. Выходил почти рядом, но пока гарпунёр под крики с мостика «Миша, бей навскидку!» разворачивал пушку, «умник давал хвоста». Курганович дважды выстрелил по скользившей в воде чёрной спине кита, но оба раза промахнулся. Ему изменило самообладание и не хватило выдержки. Его раздражала неторопливость своего помощника, перезаряжавшего пушку, и после каждого промаха Курганович был готов схватить гарпун и шархнуть им по пушке.

Настырное стремление убить старого кашалота ни к чему не привело: в последний раз он всплыл на большом расстоянии. Постепенно удаляясь, «умный» кашалот-дедушка скрылся в лучах вечернего солнца, подкрашенный малиновым закатом. Курганович, ни на кого не глядя и придерживаясь за поручни переходного мостика, прошагал в свою каюту. Светка, виляя хвостом, прыгала перед ним.

– Всё! Море на замок! Дым в трубу, дрова – в исходное! Останемся здесь до утра... Лечь в дрейф! – приказал капитан Обжиров, уходя с мостика. Быть может, он не терял надежду отыскать завтра упрямого кита. «Зоркий» в этот день добыл четырнадцать кашалотов. Подошедшие позже «Гневный» и «Властный» – по девять. «Звёздный» и «Зовущий» взяли по семь китов. Остальные китобойцы тоже – кто два, кто три. Мы – ни одного. Можно было представить изумление руководства флотилии, когда капитан, сославшись на неисправность руля, который лишь к вечеру «починили», доложил о нулевом результате дневной охоты. И это при отличной погоде, при огромном скоплении китов! «“Робкий” он и есть “Робкий”»! – сказали на плавбазе. К ночи небо стало мгlistым и непроницаемо тёмным. Разыгрался шторм. Ураганный ветер гнал огромные волны, срывал с них пенные верхушки, набрасывался на судно страшными, неукротимыми порывами, швырял брызги в лицо рулевому. Удары днища о воду сотрясали всё судно. Гигантские волны то поднимали его, то, отхлынув, швыряли в раскрывшуюся бездну. Повисая на вершине вала, китобоец резко кренится, падает в провал между водяными холмами. Грохот падающего с полки незакреплённого по забывчивости радиоприёмника, звон разбиваемой стеклянной банки с болгарским вишнёвым компотом, стук пельницы о края стола. В такт качке раскачивается занавеска. Прерывисто-попеременно жужжит в корме рулевое устройство: «жжжж...» – перо влево, «жжжж...» – вправо. На мостике, в бледном свете топового огня, закутавшись в плащ, одиноким призраком маячит у руля Федя Филинов, стараясь удержать «Робкого» носом к волне. Я знаю, что сейчас Федя, глядя на бушующий во мраке океан, отпускает тираду крепких морских слов, разьедающих моряку душу, если он будет держать их при себе, а злость разрывает её, рвётся наружу. Могу даже поспорить на банку компота, что не ошибусь, если скажу, что смысл его ругани сводится к тому, что был славный день, предоставлялась возможность хорошо заработать. Но этот чёртов кит! Дался он капитану и гарпунёру! Сколько было кругом других, покладистых, непуганых... И ещё этот проклятый шторм! Где их завтра найдёшь в такой кутерьме?! И ещё я знаю, что, наругавшись, Федя запоёт свою любимую:

Пусть волны бушуют, и ветер кружит,
И пенный вздымается вал,
Моряк, не тужи и упорно держи
Железной рукою штурвал.

Привязавшись ремнём к койке, засунув между собой и переборкой подушку, чтобы не валиться с боку на бок, я с нарастающим беспокойством прислушивался к завыванию бешеного ветра в вантах, заглушающего уханье волн, перекатывающихся через носовую палубу. Ураган не утихал, и, сморённый монотонно-ухающим гулом моря за стальной переборкой, отделяющей меня от бесноватой стихии и мрака глубин, я впал в глубокий и беспробудный сон.

Вблизи Курил

Был сентябрь... Далеко позади остались тёплые тропические воды, зеркально-гладкие, прозрачно-зелёные, с плавающими на них «португальскими парусниками» – физалиями, летучими рыбами, пурпурно-багряными закатами и нежно-розовыми рассветами. В это время года киты плывут на север. Китобойная база «Слава» медленно продвигалась за ними, оставляя за собой сизое вонючее облако из труб жиротопных котлов. Пенно-рыжий след за кормой, непрерывно пополняемый кровавыми стоками с палубы, в котором с криками бултыхались глупыши, стелился за ней.

Впереди шли китобойцы. Их силуэты, смягчённые дымкой расстояния, маячили у горизонта, откуда изредка доносились хлопки пушечных выстрелов. Погода была относительно тёплая и ясная, видимость отличная, что в осенние месяцы в северных широтах чаще всего является признаком надвигающегося шторма. Мы охотимся вблизи Курильских островов, с западной стороны Парамушира, обращённой к Охотскому морю. В школьные годы, мечтательно путешествуя по географической карте, я много раз мысленно представлял себе Курильские острова: снежные вершины вулканов, безлюдные скалы, овеванные штормовыми ветрами, омытые океанскими волнами, первыми встречающие рассвет. Я пообещал себе, что когда-нибудь обязательно побываю там, где стойко защищал границу СССР мужественный моряк лейтенант Колосков – мой любимый герой из рассказов Сергея Диковского «Приключения катера “Смелый”». И вот не в мечтах – воочию вижу, как всего в нескольких милях от острова Атласова преследует стадо кашалотов разгорячённый охотой «Робкий». Моим собственным глазам предстали острова, вблизи которых ведёт промысел флотилия «Слава». Подобно охотнику на лис, она распускает своих гончих псов-китобойцев то у Северной гряды, состоящей из Шумшу, Парамушира, островов Атласова и Анциферова. То спускается южнее, к Средней группе островов. И тогда карта в штурманской рубке пестрит неизвестными названиями: Маканруши, скалы Авось, Онекотан, Экаруша, скалы Ловушки, Матуа, Расшуа, Чёрные Братья и другие. Но кашалоты в поисках кальмаров, каракатиц мигрируют ещё южнее, и в пределах видимости возникают Уруп, Итуруп, Кунашир, Шикотан и мелкие острова Осколки, где висят по утрам над морем туманы. Подкрашенная пеплом курящихся белёсым дымком вулканов, на 1175 километров протянулась цепь островов между Камчаткой и Японией. Один из них – остров Атласова – произвёл впечатление, сравнимое с чувствами, какие испытал, глядя на торжественно-суровые полотна Святослава Рериха и Рокуэлла Кента: холодные, неприступные вершины Гималаев, снежные пики, достающие до неба, олицетворяющие величие природы, её несокрушимую мощь, вечность мира, созданного Богом. Незабываемая картина: на 2339 метров взметнувшийся над морем вулкан Алайд! Не сравнится с ним в красоте японская Фудзияма-сан!

– Выходят! Полрумба вправо по курсу!

Громкий голос марсового матроса отвлёк от размышлений о Курилах. Начинается привычная беготня на палубе, возня гарпунёра и его помощника у пушки. Шелест и плеск волны, встреченной высоким форштевнем «Робкого», рассыпавшейся брызгами на баке. Завывание моторов на лебёдках, подтягивающих тросы. Спихватившись, что не приготовил «плавучку», бегу в электроотделение, возвращаюсь с аккумулятором, креплю его к бамбуковому шесту. Соединяю проводки – лампочка вспыхивает. Моя миссия выполнена. Матросы подвезут «плавучку» к хвосту кита и швырнут за борт. Поднимаюсь на мостик. Отсюда картина охоты как на ладони. Над безбрежными волнами издалека виднелись парообразные облачка фонтанов. Словно гейзеры, они струями били из воды, рас-

пыляясь парообразными облачками. Стадо кашалотов пытается уйти от преследования. Но куда им, бедолагам, состязаться с «Робким»?! Четыре дизель-генератора, без устали пожирая тонны соляра, гонят судно вперёд. Не проходит и десяти минут, как «Робкий» настигает их. Стадо то исчезает в воде – сверху видны скользкие в ней тени, то, выдыхая фонтаны, появляется вновь среди небольших волн. Китобоец на малых оборотах винта приближается к ним. Крайний слева кит, самый большой в стаде, метров двадцати длиной, каменной глыбой выходит на поверхность, на несколько секунд подставляет бок, и тотчас гремит выстрел. Гарпун, молниеносно разматывая линь, почти целиком вонзается в тело кита. С проворством рыбы, взятой на крючок, кашалот вскидывается вверх, опрокидывается с оглушительным всплеском скалы, обрушенной в море, и от взмаха лопастей широкого хвоста стремительно уходит в глубину. Под водой раздаётся глухой стук: в теле кита разорвалась граната. Со скрипом провис блок пружинного амортизатора. Кит на линии! Бурлит вода за кормой: «Робкий» отработывает задний ход, чтобы не наехать на линь, не намотать его на винт. Такой случай уже был в нашей практике. Болтались в дрейфе, пока «Властный» не привёз водолаза с плавбазы. А ещё – это было до меня – под «Робкого» поднырнул загарпуненный кит, прошёл под самым килем, и винт изрубил ему спину. Лопаста погнулись, пришлось вызывать водолазов и менять винт, благо запасной всегда лежит на корме.

Недолго раненый кит остаётся под водой. Удачный выстрел! Гарпун поразил кашалота в убойное место – под левый ласт! Чёрная спина показывается в кровавой пене. Животное бессильно бьёт хвостом, выбрасывает кровавый фонтан, окрашивая воду вокруг себя в малиново-алые, красно-розовые тона. От боли кит изрыгнул съеденных кальмаров, и вокруг него плавают их ошмётки, привлекая прожорливых чаек-глупышей. Какое-то время, тяжело вздыхая, кашалот мучается, борясь со смертью, но чугунные осколки разворотили ему лёгкие, и невольный он уже обитатель океана, а сырьё китобойного промысла. Если бы кит был наделён голосом, как слон, лев, медведь или тигр, какой чудовищный рёв разнёсся бы сейчас над морем, заглушая крики перепуганных китобоев! Но молча, без стонов умирает самое большое млекопитающее на планете. Посылает прощальные ультразвуковые сигналы сородичам, не воспринимаемые человеческим ухом, делает последние кровавые выдохи. Затихнув, кашалот всплывает вверх светлым брюхом, покачивается в кровавых волнах. Гудит лебёдка. Стармех Чупров, не выпуская трубку изо рта, равнодушно, как на живодёрне, подтягивает к борту тушу убитого кита. В неё моментально втыкается полая пика с воздушным шлангом. К хвосту накачанного воздухом кита подвязывается «плавучка»-светлячок с радиобуем, и вот уже нетерпеливым жеребцом «Робкий» несётся догонять уплывшее стадо.

– Вон они! Их там больше десяти! – снова кричит Макс Васильев. Высунувшись по грудь из бочки на фок-мачте, марсовый рукой показывает направление на китов.

Минут двадцать хода, и вдали можно различить лёгкий парок над волнами – то фонтанят кашалоты. Не уйти им и на этот раз! Слишком уязвимы они в спокойном море, бессильны перед стальным, грохочущим судном и беззащитны перед его пушкой калибра девяносто миллиметров. Опять гремит выстрел, и раненый кит уходит под воду. Несколько раз несчастное животное выныривает, шумно выдыхает пламенеющий кровью фонтан. Учёные утверждают, что китообразные обладают интеллектом, развитым больше, чем у самых умных собак или у обезьян. О чём «думал» кашалот, делая последние отчаянные попытки оборвать линь? Жаль, что ещё ни один писатель-мистик или фантаст не «оживил» в своём триллере изобретателя гарпунной пушки Свенда Фойна, вдруг ставшего по сюжету кашалотом. Много чего рассказал бы он людям о страхах и муках китов. Вот и говорят: «О покойниках либо хорошее, либо ничего». Что же хорошего сказать про злодея в мировом масштабе? И молчать никак нельзя – история китобойного промысла не позволяет. Я тогда на мостике «Робкого» так не думал. Кутаясь в штормовку от свежего ветра, коротал время, свободное от вахты, возле рулевого.

Всё слабее рыбки кита. Он делает отчаянные попытки оборвать линь, но крепко держат стальные лапы гарпуна, и не дремлет у лебёдки стармех Чупров. Перекидываясь словами с боцманом, он зорко следит за натяжкой троса. Провис блок: даст слабины. Поднялся выше – выберет её. И всё ближе, ближе подтягивает выбившегося из сил кита. Дымя курительной трубкой, стармех вовсе не чувствует себя живодёром, деловито и спокойно двигает рычагами лебёдки. А мне в тот момент вспомнились девушки-студентки технологического института на мясокомбинате Владивостока, куда мы, курсанты учебного отряда подводного плавания, приезжали за каким-то грузом. Они стояли на подмостках, а мимо них по узкому проходу из досок один за другим шли быки. Девушки хохотали над какой-то

институтской историей и между делом тыкали в быков деревянными палками с электрическими наконечниками. Быки падали на ленту транспортёра и ехали дальше на бок. Ещё там тётя в фартуке хватала из загона поросят за заднюю ногу и живьём окунала в ванну с кипятком. Так запросто!

Слаженно работает команда «Робкого». Больше объём китов – больше денег получим. Со звоном вгоняет в ствол пушки новый гарпун Евгений Кузнецов. Медлительный, неповоротливый, с большим животом, но сильный, как медведь. Не каждому по плечу управиться на скользкой палубе со снаряжённым гарпуном весом более восьмидесяти килограммов. Устремив взгляд вдаль, держится за пушку молчаливый Курганович. Время от времени гарпунёр искоса поглядывает на матросов. «Шевелятся как неживые...» – казалось, говорил его взгляд. Капитан Обжиров, не вмешиваясь в дела работавших на палубе, наблюдает за действиями команды. «Всё нормально... Молодцы, мужики», можно было прочесть на спокойном лице капитана. Его рука на машинном телеграфе. Боцман Ануфриев выбрасывает за борт «плавучку» и кивает ему: «Готово!» Обжиров тотчас толкает рукоятку на «Самый полный!», и снова судно, дрожа всем корпусом, возобновляет погоню. Но волны уже круче, перекачиваются через низкие борта. «Воронье гнездо» раскачивается вместе с мачтой, и голова Макса торчит из неё. Уцепившись за края бочки, марсовый сидит в ней, не отводя глаз от редких фонтанов, облачками пара возникающими над белой бахромой волн. Догнали... Убили... Накачали воздухом... Подвязали «плавучки»... Понеслись дальше...

Охота шла успешно. Ни разу не промахнулся Курганович. Но море уже разгулялось, словно пытаясь спрятать в волнах оставшихся в живых китов. Их спины, отливающие свинцово-стальным блеском, отполированными рифами показывались и скрывались в провалах между водяными валами. Но теперь кашалоты были в безопасности: отказавшись от их преследования, «Робкий» с трудом продвигался к убитым китам, туши которых, помеченные «флагами», невидимые глазу, плавали где-то милях в двадцати на траверзе острова Атласова. В этот день мы добыли девять кашалотов. Одного по просьбе капитана Обжирова подобрал «Звёздный», а остальных, принайтованных через клюзы цепями за хвосты, по четыре с каждого борта, «Робкий», измотанный качкой, прибуксировал к «Славе» далеко за полночь. Едва доставая клотиком мачты до ходового мостика «Славы», «Робкий» болтался на волнах рядом с ней в очереди на сдачу китов. Освободившись от неудобного, приятно тяжёлого груза – по принципу: «Своя ноша не тянет», усталый китобоец на всех оборотах винта поспешил в новый район промысла. С плавбазы получили радиограмму: «Следуйте к островам Малой Курильской гряды».

Мы легли в дрейф на виду острова Шикотан в ожидании «Славы». Вонючая немецкая посуда, прославленная героиня антарктических походов и фильма «Белая акация», теперь плелась старой клячей где-то далеко позади. Бесперывно мотыляя огромными шатунами паровой машины, шипя тошнотворными трубами жиротопных котлов, китобойная матка давала знать о себе сиплыми гудками. Как курица-клубка, растерявшая цыплят и с кудахтаньем бегущая вслед за ними, чтобы подобрать под крыло, плавбаза торопилась догнать убежавших китобойцев.

Делая почти по двадцать узлов, «Робкий» резво обскакал «Резвого», «Резкого», «Быстрого», «Разящего» и других «собратьев» по флотилии, носителей звучных имён. Сей примечательный факт, само собой, не остался без комментариев Бориса Далишнева. Моторист по команде с мостика заглушил дизеля, выбрался наверх, деловито осмотрелся и, не найдя на горизонте ни одного знакомого профиля, радостно хлопнул меня замасленной ладонью:

– Сделали мы их, Генаха! Как последних фраеров! Им сено вилкой косить, а не за «Робким» гоняться!

– Ещё бы! Ты такой жути нагнал на дизеля, что они чуть не выпрыгнули!

– Всё абдемаг! Пусть знают, ёшкин кот, что с «Робким» тягаться – только пуп рвать понапрасну. Ладно, пойду, мне ещё в машине прибраться...

Довольный сам собою, моторист ушёл, весело напевая. Я остался на мостике, любуясь красками угасающего дня. Море, принявшее золотисто-пурпурный оттенок полированной меди, сливалось с горизонтом сплошной бледно-золотой полосой, край неба принимал красноватый оттенок, и на фоне его горела обрамлённая огненной короной жёлтая половинка солнечного диска, медленно погружалась в сверкающую водную даль. Груды облаков, сбиваясь в кучи причудливых очертаний и форм, плыли над ней, окрашиваясь из пурпурно-лиловых в кроваво-красные цвета. Края облаков, по мере того как опускалось солнце, становились то нежно-бирюзовыми, то зеленовато-розовыми. Но вот оно скры-

лось, последний луч вспыхнул и погас. Краски заката потускнели, уступая синеве прозрачного тумана. Сумерки тихого, тёплого вечера сгустились над атласной гладью моря. В непривычной уху тишине смолкнувших дизелей и уснувшего моря не слышно ни шелеста волн, ни шороха ветерка. Лишь стояночный двигатель, обеспечивая судно электроэнергией, напоминает о себе лёгким дрожанием палубы. Истинный рай для моряка: полный штиль, южная ночь и тишина на дрейфующем судне!

Вдали мерцают огни посёлков Малокурильского и Крабозаводского. Там круглые сутки, не оставиваясь, работают рыбоконсервные заводы. А вокруг нас переливаются, сверкают разноцветные огни: жёлтые, зелёные, красные, синие. Словно большой плавучий город раскинулся в этой части океана: с лаем собак, музыкой магнитофонов, отрывистыми командами судовых динамиков, лязгом крановых стрел и вспышками прожекторов.

Акватория вокруг Шикотана – единственное место в Мировом океане, где водится сайра. Консервные банки с этой вкусной рыбёшкой, изготовленной на Шикотане, известны всем и каждому. С августа по октябрь рыболовные сейнеры России ведут промысел сайры в водах Шикотана. Ещё здесь добываются минтай, треска, камбала, навага, корюшка, терпуг, палтус, горбуша, сима, кета, осьминог, «морская капуста». Кстати сказать, подводные «луга и леса» водорослей «морской капусты» окружают все острова Курильской гряды. Огни на сейнерах мигают, вспыхивают, тухнут, зажигаются вновь – такова специфика лова сайры. Вначале с борта сейнера в воду направлены рефлекторы синих ламп. Привлечённый мягким светом косяк сайры собирается в синем пятне. Вдруг его ошарашивает яркий красный свет. Ошалевшая от снопа красного цвета сайра мечется в его круге, не выходит из него, становится добычей рыбаков. Десятки, сотни тонн этой ценной рыбы заполняют пузатые трюмы сейнеров. С осадкой корпуса «под завязку», пыхтя, отплёвываясь горячей водой из машин, корячатся большие и малые траулеры, сейнеры, шхуны, кунгасы, шлюпки, баркасы – всё, что плавает и может шевелить веслом, – прут рыбу на Шикотан.

Да... А что же мы?

Первый электромеханик Чугунов – заядлый рыбак. Пока во Владике стояли в ремонте, он все выходные просидел на льду Амурского залива с подлёдной удочкой. Корюшку, пахнущую свежими огурцами, ловил. Не утерпел и сейчас. Пользуясь затишьем дрейфа, вышел на палубу с удочкой-кальмарницей и парой круглых сачков, насаженных на длинные бамбуковые шесты. За неимением синей лампы, включил обыкновенный прожектор, направил его луч на воду у правого борта. Высветился яркий круг. В нём, как в большом аквариуме, сновали блестящие рыбки, розовыми шапками колыхались медузы. Из глубины показались кальмары.

– Чего смотришь? Иди помогай! – крикнул мне Чугунов, накрывая сачком плавающую у поверхности сайру. Поднял его – в нём билась всего одна рыбёшка. Остальные две или три, задетые сачком, безжизненно плавали, медленно погружаясь в тёмную глубину. На них пикировали кальмары, хватая щупальцами.

– Какие мы нежные! – недовольно ворчит Чугунов. – Чуть задел сачком – они и брюхом вверх, дохлые уже.

После каждого удара сачком по воде Чугунов черпает из тучи снующей у борта сайры не больше одной-двух рыбёшек: успевают они ускользнуть из сачка. Но те, что выпрыгнули, сразу безжизненно плавают, становясь лёгкой добычей кальмаров. Я тоже пробую подхватить сачком сайру, но черпаю лишь одну воду.

– Ладно, принеси обрез и не трать время, лови кальмаров! – увлечённый рыбалкой, азартно крикнул мне Чугунов. Возле него на палубе в беспорядке валялись мелкие, сантиметров двадцати, узкие серебристые рыбёшки.

– Куда нам столько? – собирая рыбу в обрез, спросил я. Чугунов только отмахнулся. И вытряхивая рыбу из сачка, торопливо ответил:

– Мы с тобой одни на судне, что ли? Придём сейчас, на всех заварганим... Сайру в пергаменте, в духовочке запечём, со специями... Ребятам после вахты помыться надо... Им не до рыбалки...

И то правда. Забыл я, что считаюсь на судне привилегированной кастой. Судовой интеллигенцией, так сказать. Электриком-«светилой» балду пинаю. Лампочка и та за вахту не перегорит, чтобы поменять. Всё крутится, всё вертится. Не сравнить мою вахту в гребном отделении с работой матросов, и особенно мотористов. Им достаётся порой так, что обывателю на берегу не приснится и в страшном сне. Бесплезно людям, далёким от работы в море, рассказывать, объяснять – всё равно не поймут, что

такое в шторм менять вкладыши на коленвале дизеля, когда тяжеленная головка цилиндра, подвешенная на цепях, вырвавшись из рук, летает над головой. Её надо поймать, удержать, посадить на болты. И всё это в качку, когда не знаешь, как устоять на ногах. В машине жара невероятная, не продохнуть от выхлопных газов, выедающих глаза, а нутро выворачивает болтанка. По-настоящему знают, что такое быть сильным, парни на палубах, за штурвалами на мостиках, в штурманских рубках, в машинных отделениях. Быть сильным – это вовсе не обязательно иметь пудовые кулаки и, бахвальства ради, поднимать якоря или быков на ферме. Были, попадали на промысловый флот и такие, но при первой возможности списывались на берег. А попросту – сбегали. Жилка тонка оказывалась у некоторых силачей, а душа в пятки уходила. Иной парняга на берегу лом гнёт, а в море, в шторм, не в силах даже поднять этот лом, чтобы выйти с ним в мороз на ледяную палубу и скалывать лёд с бортов, с поручней, с брашпиля, окатываемых водой, замерзающей на лету. Ещё позавчера так и было. Механики и мотористы, не считаясь с тем, кто на вахте, кто свободен, меняли эти самые вкладыши, которые часто выходили из строя на втором дизеле. И потому днём и ночью можно было увидеть третьего механика в мастерской с шабером в руках. Потный, грязный, он с неприкаянным видом зачищал внутренние поверхности только что отлитых из баббита новых вкладышей. Не до рыбалки сейчас матросам и мотористам. Рады прохладному душу, отдыху в чистых постелях. Матрос-дневальный Витька Ключкин по такому случаю поменял всем простыни, наволочки, полотенца.

В круге жёлтого света прожектора появляется кальмар, привлечённый светом. Он поднялся поохотиться на сайру. Эта мочалка с плоским хвостом – живой реактивный двигатель. Ритмичными движениями выталкивает из себя струи воды и подкрадывается к стайке мельтешащей сайры.

Беру удочку-кальмарницу, опускаю за борт, подёргиваю лесу. Пучеглазый хищник не заставляет долго ждать: следует рывок, поднимаю толстое бамбуковое удилище, похожее на оглоблю, выволакиваю на палубу полуметрового кальмара. С непривычки боязно братья за это гладкое страшилище с жутко выпученными глазами под бахромой шупалец. Забавно их ловить. Вот в прозрачной воде медленно и настороженно плывёт кальмар. Горизонтальные лопасти хвоста работают вверх-вниз. Кальмар движется вперёд. Распустил пучок щупальцев, как дед бороду. Осторожно подвожу к нему кальмарницу, утыканную острыми крючками. Хитрец почуял опасность, выпустил чернильное облако, как за дымовой завесой укрылся за ним. Вот ещё один заметил болтающуюся ярко-красную кальмарницу, но вдруг, испугавшись, резко отъехал ... задним ходом. Способный парень – реактивной тягой пользуется! Вытолкнет водяную струю и лихо отъедет назад метров на пять. Поплавал в сторонке и неожиданно на кальмарницу наехал, обхватил её щупальцами и попался дружок. Шмяк – и вот он, вытаращив круглые птичьи глаза, пищит в куче других моллюсков. Пищат они оттого, что вода выходит из трубчатых тел-ракет.

Принесли мы свой улов на камбуз. Кок Шитов, понятно, спит. Свет, плиту включили. Почистили рыбу, кальмаров. Кстати, от последних у меня руки словно в чернилах побывали. Сайру, слегка посоленную, перчиком посыпанную, лаврушкой сдобренную, пергаментом обёрнутую, в духовке запекли. Кальмаров в морской воде отварили. Красные они стали, разбухшие, разопревшие. Потом кольцами нарезали, с луком репчатым на сливочном масле обжарили. Попробовали – вкуснятина! А тут и парни подошли. Распаренные душем, разомлевшие, расслабленные отдыхом. В чистое переоделись. За стол в кают-компанию уселись. Ждут. Чугунов свой поднос ставит. Сайра горячая, жирок из неё сочится, парком исходит, пряностями нос щекотит. Я противень жареного кальмара подаю. Витька Ключкин за перегородкой киноленту вставляет. Тухнет свет. На экране-простыне кадры фильма быстро-быстро вверх ногами побежали.

– Сапожник! – все враз ногами застучали. – Про любовь давай!

Хохот, смех, шорох пергамента с сайрой. Звяканье противня с кальмаром. Яркая звёздочка смотрит в открытый иллюминатор. За ним тёплая, непроглядно-чёрная ночь и гладь моря. Ключкин запускает «Украину» – старенькую киноустановку, сам выглядывает в квадратное окошечко, из которого бьёт яркий луч. На экране бегут титры виденного много раз фильма «Свадьба с приданым».

Шторка, свисающая с подволока над иллюминатором, не шелохнётся. Широта Шикотана – субтропики. Жарко и душно.

Боцман Ануфриев, потягиваясь, произносит фразу, косвенно имеющую отношение к фильму про любовь:

– Эх, на Шикотан бы сейчас...

– Да-а... В разгар сезона там семнадцать тыщ девиц собирается со всего Союза, – поддакивает Макс Васильев, привалившийся на диване с полотенцем на шее.

– Сейчас в аккурат самый сезон и есть... Всё молодняк! Студентки из стройотрядов, – уточнил из кинобудки Витька Ключник.

– Меня бы в ту малину хоть на один денёк... – мечтательно вздыхает Федя Филинов. – Я бы навёл там шороху...

– Пошли наверх, покурим... – предлагает боцман. – И на боковую пора. Выключай, Витька, свою тарахтелку.

Покурили. Спать пошли. Чёрные мачты «Робкого», освещённые топовыми огнями, казалось, задевали клотиками за низко висящие звёзды. То одна из них, то другая срывалась и, рассыпаясь трепетными искрами, падала в тёмное море, расцветенное огнями сейнеров. Океанский бриз принёс прохладу, приятно обдувая наши разгорячённые тела. Отголоски далёкого шторма плавной, гладкой зыбью покачивали судно. В бархатной темноте августовской ночи море слегка флуоресцировало от присутствия живых организмов, населяющих тропические воды. Блескучие зеленоватые складки воды разбегались от форштевня, разбрасывали дрожащие огоньки. Они вспыхивали на мгновения и, рассыпаясь во множестве, гасли. В зелёно-голубой пене яркими алмазами сверкали медузы. Полный штиль. Звёзды, рассыпанные в небе, отражаются на спокойной глади океана, словно в зеркале. Тёмную опрокинутую чашу небесного свода высветила широкая бледно-голубая дорога Млечного Пути. До чего же хороша ты, тёплая южная ночь, в спокойном море! Так и плавал бы в нём всю жизнь!

На Краю Света

Рулевой Федя Филинов, уставший от монотонной вахты, предлагает мне:

– Хочешь порулить?

– Давай порулю, всё равно торчу рядом с тобой, – с готовностью отзываюсь я. Сменившись с вахты в гребном отделении, я два часа напрасно просидел в «вороньем гнезде», высматривая китов, ни одного фонтана не увидел и теперь коротал время на мостике. Штурвала здесь нет. В ходовой рубке тоже нет. Вместо них вертикально торчащие рукоятки управления электроприводами. Нажал влево – электромотор в корме зажужжит, отвернёт перо руля влево. Нажал вправо – мотор зажужжит в обратную сторону, повернёт румпельный сектор вправо. Все дела! Поглядывай на стрелку компаса, держи на нужном градусе, следи за горизонтом.

Да... И вот, значит, стою я и рулю китобойным судном! Скажи кому! Что-то чёрное на волнах бултыхается. Старпом Емельянов бинокль к глазам поднёс, долго всматривался, плечами пожал.

– Посмотрим, Михалыч? Вдруг, человек, упавший за борт с проходящего судна, за ящик какой-нибудь цепляется? – спрашивает Федя Филинов.

Старпом согласно кивает головой. Ручка влево – и понеслись к незнакомому предмету. Всякое случается в море. Попадаются плавающие со времён войны мины. Манёвр не остаётся незамеченным капитаном. У него в каюте есть репитер компаса. Из переговорной трубы обеспокоенный голос Обжирова:

– На мостике! Почему сменили курс?

– Слева по курсу в нескольких кабельтовых от нас плавает неопознанный предмет, Павел Иванович... Решили обследовать.

Подходим ближе. В волнах крутится деревянная сельдевая бочка. Над ней... Какая жалость! Над бочкой машет крыльями коршун. Он пытается сесть на неё, быстро-быстро перебирает лапами, бочка вращается, птица не может удержаться на ней. Бедный коршун! Каким ветром занесло тебя в океан? Ослабевший стервятник, видимо, заметил с высоты полёта предательскую бочку, спланировал на неё с намерением отдохнуть, но увы... От Шикотана мы удалились к северо-востоку на двести семьдесят пять миль, а это, как сказал Федя Филинов: «Пол тыщи вёрст с гаком!» Не долететь ему до суши, отощавшему без пищи и пресной воды. И нет у него сил махать крыльями. Подвожу корму «Робкого» к бочке: перелетай, садись на шлюпочную палубу! Коршун тяжело отрывается от вертящейся бочки, отлетает недалеко, кружит над волнами. Мы убрали обороты, стоим, покачиваемся на месте. Стервятник из последних сил держится над водой так низко, что брызги волн обдают его уже намокшие крылья.

– Вот недотёпа, – бурчит старпом, поглядывая на часы. – Садись и катайся сколь хошь. Рыбы, мяса, воды дадим вволю. Не понимаешь, ястребиная твоя душа, что это последний твой шанс!

Минут через пять Емельянов перевёл рукоятку машинного телеграфа на «Полный вперёд!» и отошёл к штурманскому столику.

– Ложиться на прежний курс, – вздохнув, расстроено сказал он.

– Есть на прежний курс, – так же огорчённо ответил я. Было видно, как ястреб вернулся к бочке, пытаясь сесть на неё, махал крыльями и всё бежал, бежал... Скоро бочка снова стала пятнышком и совсем пропала из виду.

– Вот циркач, – шоркая стиральной резинкой по карте, пробухтел старпом.

– Крантец ему, – отворачиваясь, проговорил Федя Филинов.

– На, рули сам, мне за это деньги не платят, – отходя от нактоуза, сказал я ему, стараясь обратить в шутку свои слова. На душе было так скверно, словно мы бросили в море утопающего человека. А вообще случалось, перелётные птицы, какие-то пичуги, облепляли надстройки «Робкого». Отдохнув, срывались стаяй и улетали неизвестно куда. Ещё ночами на свет топовых огней иногда летели утки, врзались в мачты, падали с перебитыми крыльями на палубу. Ну, те, понятно, прямиком отправлялись на камбуз. Невесёлые мысли о гибнущем коршуне вмиг развеяла команда капитана:

– Курс зюйд-вест! Сообщение с базы: «В тридцати милях юго-западнее наших координат “Разящий” обнаружил скопления китов».

Не прошло и двух часов, как боцман Ануфриев первым разглядел фонтаны. Море было относительно спокойным, но, казалось, оно кипело от множества всплесков и выдыхаемых китами струй. Сотни или даже тысячи китов собрались здесь в бесчисленное скопище. И слева и справа – до самого горизонта – море исходило белыми облачками лёгкого пара: то фонтанили киты. Но что это?! Они сплылись большими стадами в огромные круги. Тесно прижавшись боками, головами вовнутрь круга, киты приподнимали хвосты и неистово молотили ими по воде. Внутри замкнутого круга, как в огромном бассейне, плавали детёныши и молодые киты, брызгали жиденькими фонтанчиками. Скоро стала понятна причина всеобщего китового сумасшествия: между круговыми стадами китов поверхность моря рассекали высокие плавники касаток. Узкие и длинные, они, словно чёрные лезвия ножей, зловеще резали воду. Касатки шли одна за другой, чётко соблюдая кильватерный строй, и, если первая поворачивала влево, все разом синхронно поворачивали влево. Вожак сворачивал вправо или шёл прямо, и вся стая касаток точь-в-точь повторяла его движения. Было жутко наблюдать их плавные пируэты, выписываемые торчащими из воды плавниками, и при этом не видеть самих касаток. Временами они выскакивали из воды, описывали крутую дугу и уходили на глубину. Зубатые хищницы за манеру охотиться стаями снискали злую славу морских волков, китов-убийц.

Взрослые киты, напуганные нашествием свирепых врагов, бешено отбивались мощными ударами хвостовых лопастей, попасть под которые означало для касаток остаться с перебитым хребтом. Не решаясь нападать на взрослых и сильных китов, они рыскали между стадами, выискивая малолетних одиночек, не успевших найти спасение в круге. Там, где ещё недавно фонтанил тот или другой молодой кит, вода окрашивалась в малиново-розовый цвет. Бескрайняя акватория моря в этом районе напоминала грандиозное сражение: касатки разрывают в клочья китов-одиночек, повсюду кровь растерзанных животных, снующие плавники хищниц между стадами кашалотов, которые, сбившись в кучи, отбиваются хвостами.

– Сколько лет плаваю, а такое зрелище вижу впервые, – признался Павел Иванович. – Со всего океана собрались здесь, что ли?

– Китов жалко... Вон, смотрите, Павел Иванович, ещё одного задрали!

– Сейчас мы им поможем...

– Как это? Чем поможем? – спросил я.

– Гарпуном! Чем же ещё?!

Обыденное спокойствие, с каким были произнесены эти циничные слова, неприятно отозвались в моей душе. Мне казалось подлым предательством подойти к лежащим на поверхности кашалотам, ищущим спасения в тесном кругу сородичей, и выстрелить им в спину. Но Курганович, по привычке широко расставляя ноги, уже пошёл по переходному мостику на бак к пушке. Прыгая перед ним и виляя хвостом, радостно лает Светка. Старший механик Чупров, пыхтя трубкой, проверяет лебёдку. Радист Петрович возится с радиобуем. Боцман Ануфриев и несколько матро-

сов облокотились о планширь в ожидании выстрела. И он прогремел. Трудно промазать в груды китовых тел, образовавших широкую бугристую гриву. Гарпун ударил в ближнего кита, пробил ему хвостовой позвонок и вонзился в спину другому. «Робкий» не успел отработать винтом задний ход, наехал форштевнем на раненых китов, двинул их, и они ушли в воду, потащили левый блочный линь за собой. Евгений Кузнецов – помгарпунёра – уже зарядил пушку новым гарпуном, подвязал к нему правый блочный линь. И Курганович опять танцует у пушки, крутит стволом, выбирает в стаде кита покрупнее. А кашалоты – вот они! Лежат перед носом китобойца серыми глыбами, колошматят хвостами по воде, с шумом выдыхают из себя парообразные фонтаны. Выбериай любого – не промахнёшься! Мгновение – и на мушке прицельной планки самый большой кашалот. Бах! Ещё один кит на линии правого блока. Такого прецедента за всю путину не было: враз на двух линиях три загарпуненных кита! Ну, и началось! Левые киты занырнули вправо. Правый кит ушёл влево. Потом киты метались то в одну, то в другую сторону. Лини перепутались, перекрутились. Старший механик Чупров, управляя лебёдкой, ужасно ругался, с опаской поглядывая на звенящие от напряжения тросы. Лопнут – молниеносно хлестнут по чём попало, тут и до беды недалеко. На одном китобойце так и было: перебило матросу ногу лопнувшим линём.

– Жадность фраера сгубила, – негромко заметил моторист Стукалов. Павел Иванович услышал, нахмурился, как всегда, сдержанно, спросил:

– Кто здесь фраер, хотел бы я знать? Капитан, гарпунёр или все, кто пришёл сюда заработать, – фраера? И жадность ни при чём. Азарт охотника – другое дело.

В разных местах виднелись мачты китобойцев. Раздавались выстрелы. Всплесков и фонтанов было ещё много, но стада кашалотов, напуганные людьми больше, чем касатками, начали расплываться, расплываться, и к вечеру только редкие фонтаны чуть заметными струйками пара виднелись вдаль. Мы проволындались с теми тремя китами до самой темноты. На «флаги» их не поставили, а принайтовали цепями к бортам и поволокли к «Славе». На плавбазе немало подивились тому, что «Робкий» в столь удачливый промысловый день взял всего трёх китов. Рация на мостике голосом секретаря парткома Евгения Каурых прохрипела, в пример поставила экипаж «Разящего», добывшего двенадцать китов. Когда мы, отдав кашалотов в слип плавбазы, начали отходить от неё, кто-то с «Разящего», ожидавшего очереди на сдачу, крикнул в мегафон:

– Эй, на «Робком»! Что, сробели? Учитесь у «Разящего»!

– Чья бы корова мычала, а ваша бы молчала! – не остался в долгу боцман. И то верно. Госплан по тоннажу добытых китов за время путины «Робкий», несмотря на то что пришёл на промысел позже других китобойцев, перевыполнил ещё в прошлом месяце и на доске показателей соревнования прочно удерживал третью строку. Однако следующий день китобойного промысла внёс свои коррективы в трудовые будни экипажа «Робкого».

В то дождливое утро я тянул в постели последние минуты перед утренней вахтой, когда звонки колоколов громкого боя возвестили о начале китовой охоты. В суматошном топоте ног на палубе, бухающих сапогами у меня над головой, я безошибочно определял каждого: за долгие месяцы путины научился распознавать на слух шаги всех китобоев «Робкого». Вот прошаркал подошвами помощник гарпунёра Кузнецов, а это протарахтел подковками боцман Ануфриев. Легко пробежал матрос Филинов. Тяжело протопал рулевой Безбородько. Прошагал к лебёдке старший механик. Ну, а это уже по мою душу громыхнула дверь кормовой переборки: стуча каблуками по ступенькам трапа, устало спускается электрик Хохлов – солидный мужчина в летах, ветеран китобойного промысла. Идёт будить меня на вахту. Сейчас распахнёт дверь каюты и, не входя, гаркнет:

– Подъём! Кому тянемся? Живо на вахту!

Так и есть. Дверь открылась, но рывканье Хохлова я опередил быстрым соскоком с койки. Быстро умылся, глядя на своё отражение в зеркале: не может быть! Я ли это?! Чёрные усы и борода, наполовину закрывшие лицо, ожерелье из акулиных зубов на шее, длинные, давно не стриженные волосы под шляпой с закрученными по-ковбойски полями. Из нагрудного кармана флотской рубахи-голландки торчит отвёртка. Кривой нож с рукояткой из кашалочьего зуба болтается в кожаных ножнах на широком ремне, сплетённом из капроновых ниток и украшенном затейливым орнаментом. Брюки-джинсы в обтяжку и яловые сапоги с подвёрнутыми голенищами-ботфортами завершают наряд. Неужели это тот самый модный джентльмен, пришедший на пирс рыбпорта в поисках «Робкого»? Удивляясь переменчивости судьбы, я поднялся наверх, где всё уже было подчинено одной

цели: настичь огромного, старого кашалота, умудрённого за свой долгий век частыми встречами с жестокими железными врагами, не знающими пощады. Не один раз уходил он от убийственного преследования, случалось, получал гарпуном по спине, но всё труднее стало выживать ему в океане, слишком много развелось охотников на него. Много повидал на своём веку замшелый бродяга, поимевший немалый опыт в смертельных встречах с китобоями. Не подпускал на выстрел, «давал хвоста», уходя на глубину, и всегда выныривал далеко за кормой. Таких застарелых кашалотов-одиночек, как я уже говорил, китобои называют «богодулами». Пока мы разворачивались, он успевал как следует надышаться и вновь исчезал под волнами. На полных оборотах винта мы устремлялись к нему, дразнившему нас мощными, размеренными фонтанами. Казалось, ему нравилась игра «в поддавки», и, наблюдая за выкрутасами кита, мы молча гадали, у кого раньше сдадут нервы: у нашего капитана, у гарпунёра или кашалоту первому надоест бегать от нас, и он уйдёт одному ему ведомым путём. Смутно блестела вода с нависшим над ней утренним туманом. Его ключья редели, открывая пенные волны, и тогда впереди можно было увидеть фонтан, периодически взметающийся парообразным облаком.

Несмотря на ранний час, на мостике не протолкнуться: сменившиеся с вахты моряки не спешат идти отдыхать. Азарт охоты удерживает их здесь мокнуть под морозящим дождём, в который перешёл туман. Волны катились к горизонту рябыми от дождя складками. Вспарывая их, «Робкий» мчался к фонтану полным ходом с такой быстротой, что от бортов отлетали брызги, блестящими искрами убегали в тёмную глубину. От бешеного вращения лопастей винта, свирепо рвущего воду, за кормой стлался пенный след. «Робкий» рвался вперёд необузданным мустангом, разрезая водяные валы и коптя сизым дымком из выхлопных труб.

До фонтана оставалось чуть более кабельтова, то есть около двухсот метров, когда кит всей своей гигантской тушей взметнулся лёгким дельфином и огромной скалой обрушился в море. Широкие чёрные лопасти хвоста мелькнули в волнах и пропали из виду.

– Опять ушёл, яззи его в душу мать, – выругался Обжиров, переводя рукоятку машинного телеграфа в положение «Стоп!».

Свежий ветер отогнал пепельно-серые тучи, из-за которых проглянуло солнце. Радужная мельчайшая водяная пыль, осевшая на чехлы шлюпок, на куртки и плащи моряков, играла разноцветными блёстками.

– Наверно, это опять наш старый знакомый... А, Павел Иванович? – чтобы как-то разрядить общее угрюмое молчание, со смешком в голосе сказал старпом Емельянов. – Помните того богодула, что мы гоняли у Гавайских островов?

Напоминание о кашалоте, которого упорно гоняли весь день, но так и не смогли взять, видимо, неприятно задело самолюбие капитана. Обжиров отвернулся, достал сигарету, раздражённо крикнул:

– На марсе! Внимательней наблюдайте за горизонтом!

– Есть внимательней наблюдать! – ответил из «вороньего гнезда» Макс Васильев. И словно в подтверждение своих слов крикнул: – Справа по корме фонтан!

Всё опять пришло в движение. Задвигался ствол пушки, задёргались подвесные блоки амортизаторов, взад-вперёд на бак к пушке и обратно на палубу забегала Светка, и судно, сорванное с места винтом, затряслось нервной дрожью, оставляя позади широкий пенный след. И всё опять замерло: кит снова ушёл на глубину. Где он вынырнет теперь? Слева по борту? Справа? За кормой? Или впереди по носу? Курганович, не оглядываясь назад, выкинул правую руку, согнутую в локте, что служило знаком: «Право руля, малый ход...» Чутьё, основанное на многолетнем опыте, не обмануло предположительного решения гарпунёра. Минут через пятнадцать справа раздалось громкое фырканье, и веерообразный столб водяной пыли взметнулся почти у самого борта.

– Миша, бей этого богодула! – заорал стармех Чупров, осыпанный фонтанным дождём. Вытирая полую куртки мокрую трубку, он не захотел ещё раз попасть под холодный душ китового фонтана и отбежал к левому борту.

– Бей, Миша, бей! – кричали с мостика. Гарпунёр, лихорадочно вращал ствол пушки, но поймать кита на уровень прицельной планки не мог: кашалот был слишком близко, а ствол ниже не опускался.

– Чего нюни с Муму разводишь? Топи её! – с хохотом орал Ануфриев, уверенный, что в эту

минуту кит окажется на линии. Боцман держал в руках полую пику со шлангом, готовый вонзить её в тело кашалота и накачать тушу воздухом.

Будто зная о своей неуязвимости вблизи судна, кашалот спокойно плыл рядом. Вздываясь непомерно огромной головой над волной, давал фонтан, и с его глянцево-гладкой спины, цвета серой стали, стекала вода. Он то блестящей каменной глыбой возникал совсем рядом, то приныривал неглубоко, испытывая терпение и нервы гарпунёра. Курганович приподнял согнутую в локте левую руку. Китобоец послушно покатился влево, и расстояние между китом и судном расширилось.

– Миша, бей, а то уйдёт! – раздался с фок-мачты истошный вопль Макса, и тотчас прогремел выстрел. С ходового мостика отчётливо было видно, как тяжёлый гарпун, словно игрушечный, чиркнул спину кита и заскользил «блинчиками» по воде, подобными тем, что мы в детстве делали, бросая в воду плоские камешки. Размотав линь метров на двести, гарпун утонул со всплеском от бухнувшей гранаты. Досадный промах вызвал всеобщий одновременный вздох.

– Поторопился Курганович с выстрелом, – высказал мнение второй помощник капитана штурман Николаев, хотя и так всем ясно: надо было отойти от кита чуточку подальше. Кит, как и следовало ожидать, тотчас занырнул. Курганович поднял руку, сделал над головой вращательное движение: крутиться на месте.

– Право на борт! – скомандовал Обжиров. Как и полагается капитану, Павел Иванович ни при каких обстоятельствах не терял самообладания. Со спокойным видом курил одну сигарету за другой, и кто знает, что творилось в его душе.

Тем временем помощник гарпунёра Кузнецов и боцман Ануфриев перезарядили пушку. Чупров выбрал из глубины линь с гарпуном. Всё готово к новому выстрелу. Но где же кит?! Томительные минуты ожидания. Десять минут... Двадцать... Полчаса... И вдруг шумный выдох слева по борту!

– Миша, вышел, вышел! Слева! Здоровый богодул! Тонн на двадцать потянет... Всади ему по самые «не хочу»!

И чего кричать?! Гарпунёр и так видит, что кит всплыл неподалёку, но, как и прежде, угол поворота ствола не даёт прицелиться. Курганович выкинул руку влево, поднял её вверх: подчинённый команде гарпунёра, «Робкий» качнулся влево, застопорил ход. Всё! Идеальная позиция! Левая рука гарпунёра скользнула по жилету до нужной пуговицы, определяя дистанцию, правая нажала спуск. И в то же мгновение кит «дал хвоста», над лопастями которого пронёсся гарпун. Полчаса или больше мы простояли в ожидании, но кашалот вышел очень далеко, и не имело смысла вновь сломя голову нестись к нему. И когда Обжиров и Курганович, обменявшись выразительными взглядами, способными испепелить каждого, кто мыркнет хоть словечко относительно неудачной охоты, не сговариваясь, поняли, наконец, бесполезность гонок за сноровистым китом, на горизонте показались мачты «Разящего». На тот момент кашалот фонтанил ближе к нему, и «Разящий» с ходу пошёл на него в атаку. Но кит скоро занырнул и минут через двадцать дал фонтан за нашей кормой. Естественно, мы тотчас заложили крутой вираж, дизеля взревели на «Самый полный!», и Курганович, не утирая мокрое от дождя лицо, красное, то ли обветренное, то ли злое, снова припал к пушке.

Чу-уф! Кит дал фонтан всего в тридцати метрах и несколько правее от носа «Робкого». Сейчас прогремит выстрел и хитрец заполучит гарпун под левый ласт. Но не на того напали! Легко вскинув гигантское тело, кашалот вертикально ушёл в глубину, и гарпун пронёсся над широкими лопастями задранного вверх хвоста. Всё, как в прошлый раз. И вновь гарпун, рикошетя о волны, запрыгал по ним, «выпекая блинчики». Глухо бухнула граната, и линь вяло провис, погружаясь в воду. Три промаха подряд! Такого ещё не бывало! И случилось непредвиденное. Светка, оглохшая от выстрела, затрясла ушами и с громким лаем шарахнулась к гарпунёру. Тот, раздосадованный третьим промахом, сгоряча отпихнул собаку носком сапога. Светка с визгом отпрянула и полетела с бака за борт. Все, кроме капитана и рулевого, ломанулись с мостика к планширю правого борта. За ним в пенных волнах моталась вислоухая голова собаки. Но что мы могли сделать? Ничем не поможешь ей. Спасательный круг не бросишь. Рисковать людьми и шлюпкой, спуская её в такую погоду ради собаки, капитан не станет. Дать ход мы сразу тоже не могли из опасения намотать на винт болтающийся где-то под нами линь с гарпуном. Пока выбирали его, волны отнесли утопающую в них несчастную собаку далеко от судна.

– Светка! Светка! – орали мы, но скоро в пелене моросящего дождя уже стало невозможно что-либо разглядеть. На Кургановича было жалко смотреть. Он скукожился у пушки, не отрывая рук

от пусковой скобы, с бешенством волка вперив взгляд в свинцово-серую даль моря, выискивая там виновника гибели собаки и своих позорных промахов. Да, это он, царствующий властитель безбрежного океана, рыцарь китового братства, откровенно насмеялся над ним, вынудил сделать опрометчивый выстрел и вспылить к собаке. Как теперь повернуть лицо к команде? Курганович лишь на секунду оглянулся на мостик, но и этого мгновения хватило Обжирову, чтобы понять настроение человека на баке. Но никто не осуждал его. Светка – не первая собака на «Робком», нашедшая гибель в пучине моря. Каждую путину какую-нибудь из них смывает волнами за борт. Был даже рыжий и лохматый кот Макар с медным ошейником для размагничивания – кошки не выносят магнитных полей. Смыло его с кормы, где для Макара стоял ящик с песком. С грустными лицами боцман Ануфриев и помгарпунёра Кузнецов выбрали линь, зарядили пушку порохом, всунули в ненасытнный ствол гарпун с навинченной гранатой. Капитан Обжиров толкнул рукоятку машинного телеграфа на «Самый полный вперёд!», вытащил из пачки сигарету и устремил взгляд на фонтан, к которому торопился «Разящий». Рулевой Безбородько, не уточняя курс, без слов понял капитана, переложил руль на плывущего вдали кашалота. От «Разящего» эхо донесло хлопок выстрела, но, судя по облачку пара, вновь поднимавшемуся над водой между китобойцами, кашалоту и на этот раз удалось уйти невредимым. Удручённая нелепой гибелью Светки, команда «Робкого» всю злость обратила на неподдающегося кита.

– Вот богодул чёртов!! Ты посмотри, что делает! Ну, погоди, паразит! Вздёрну я тебя до самого клотика! – вырвалось у стармеха. В его трубке, подмоченной китовым фонтаном, не разгорался табак, и он сердито выколачивал её о планширь.

– Миша! Всади ему под ласт! – крикнул боцман.

– Павел Иванович! Смотрите, «Разящий» идёт к нему!

Обжиров нажал тангенту рации.

– На «Разящем»! Это наш кит. . .

– Вы подписали его или ещё как пометили? – раздался насмешливый голос.

– Мы первыми начали гонять его. Отметину ему на спине сделали гарпуном.

– Может, посоревнуемся? Кто загарпунит, того и будет. . . Ну как, слабо?

Это уже слишком. Не ответить на хамскую самоуверенность капитана «Разящего»? Уступить ему нашего обидчика? Никогда! И за Светку мы полны решимости отомстить. Несчастье потрясло команду больше, чем недавнее исчезновение на «Гневном» третьего механика. Его хватились, когда пошли будить на вахту, но того нигде не оказалось: ни в каюте, ни в кают-компании, ни в машинном отделении. Облазили трюм, выгородки, кладовые, обошли палубы – нет, пропал! Три дня вся флотилия ходила параллельными курсами, бороздила океан, выписывая «восьмёрки» на штурманских картах. Три дня мы не охотились, хотя встречали стада кашалотов, не снимали бинокли от глаз, и три ночи лучи прожекторов рыскали по волнам, выискивая среди них упавшего за борт моряка. Не нашли. Позже стало известно, что в ночь пропажи механика его жена родила мёртвого ребёнка. При каких обстоятельствах погиб моряк, так и осталось загадкой. Но то произошло на другом судне, нас как бы не касаемо. И особенно никто на «Робком» не печалился. Известное дело – море. Ошибок не прощает. А когда исчез разделщик китов на самой «Славе», про него даже шутили: «Ушёл в слип бутылки сдавать. . .» А до берега, между прочим, три тысячи миль! До этого на плавбазе погиб разделщик, запутавшись в кишках кашалота. Они неудержимо заскользили в клюз и уволокли за собой нерасторопного рабочего. На нём были яловые сапоги и спецовка. Стоимость этого имущества, утраченного утонувшим моряком, бухгалтерия «Славы» высчитала из его месячной зарплаты. На «Зорком» был случай с гарпунёром, наступившим ногой в скойлонный возле пушки линь. После выстрела линь, разматываясь, сбросил китобоя за борт. Вот была потеха: кит на лине и рядом с ним гарпунёр плавают! К счастью, обошлось. Выловили его. А на «Властном» электрика черти занесли в высоковольтную камеру, где он под напряжением вздумал устранить какую-то пустяшную неисправность. В обугленную головёшку превратился.

Как ни кощунственно звучит, но Светку было жалче тех неизвестных нам людей. И мы приняли вызов «Разящего». Теперь уже два китобойца не давали продыху киту. Оба судна во всю прыть носились навстречу друг другу, проходя встречными курсами, разбегались, сходились снова. В какую-то минуту «Робкий» не проскочил перед носом «Разящего». Тот, в свою очередь, не успел отработать винтом «Самый полный назад!», с ходу саданул острым форштевнем в правый борт «Робкого», рас-

порол металлический корпус на метр с лишком. В горячке капитан «Разящего» дал задний ход, что было непростительной ошибкой: в глубокую вмятину, зияющую узкой, с рваными краями пробойной, хлынула вода в первое машинное отделение. Лежать бы «Робкому» веки вечные на дне океана, если бы не находчивость, самообладание, смелость, мужество моториста Бори Далишнева. Не сиганул, стремглав, по трапу наверх, а выбил кувалдой клинья навесной двери. Тяжёлая махина скользнула по направляющим вниз, наглухо закупорила второе машинное отделение: судно осталось на плаву. Правда, носовая часть «Робкого» скрылась под водою, из неё выглядывала гарпунная пушка и торчала фок-мачта. С фырканием, словно бобр, вынырнувший из пруда, из люка выскочил моторист и неистово трижды перекрестился трясущейся рукой.

– Это Господь надоумил меня клинкету выбить... Это Бог дал мне силы, – шептали его побелевшие губы. – Спасибо, Боже...

Никто из стоявших на шлюпочной палубе, ставшей вдруг крутой и скользкой, как новогодняя горка, не усмехнулся, глядя на молящегося моториста. Позже за этот самоотверженный поступок капитан-директор «Славы» Каменев лично вручил Борису именные золотые часы. Пока же мы все столпились на высоко задранной корме «Робкого». Матросы «Разящего» подвязали его швартовными канатами к своему левому борту, и медленно, в «час по чайной ложке», оба судна двинулись на остров Шикотан, обрисованный в мечтах команды «Робкого» вождённым местом. К вечеру заштормило сильнее. К нам подошёл «Звёздный», подхватил «Робкого» под свой правый борт, и так мы втроём, как три неразлучных брата-акробата, притащились в бухту Малокурильская на Шикотане, где «Робкого» поставили на кильблоки плавучего дока. Мечта боцмана Ануфриева и других членов команды «Робкого» побывать на острове, заполонённом тысячами красавиц со всего Союза, сбылась. Только напрасно губёху раскатывали. Приказ капитан-директора флотилии в кратчайшие сроки восстановить судно начисто лишил всех нас возможности расслабиться на острове в объятиях шикотанских амазонок. Сутками мы работали как оголтелые, заваривали пробойну, смывали морскую соль с электродвигателей и приборов, откачивали воду, сушили обмотки моторов и электрощиты. Не до развлечений и любовных утех нам было на Шикотане. Мы валились с ног от усталости. Всё же, пользуясь случаем поездки за электрооборудованием на склады в бухту Отрадная, я ходил на мыс Край Света – самое красивое место острова. Смысл названия стал понятен, когда с высокой скалы, длинным уступом уходящей в море и обрывающейся у самой кромки воды, я любовался чудесным видом. Внизу грохотал прибой, а передо мной расстилался океан. Орлан-белохвост парил над мысом, увенчанным елями, тисом, берёзами, увитыми лианами дикого винограда. У кромки берега желтели заросли бамбука. Таким и запечатлелся в памяти Шикотан: в переводе с языка айнов: «хорошее место».

Как ни старались мы быстро справиться с ремонтом, но вышли из дока лишь в октябре. Китобойная путина к этому времени закончилась, флотилия «Слава» покидала район промысла и уходила во Владивосток. Наш караван растянулся миль на десять. Впереди, отряхиваясь от осеннего дождя, точно курица-клушка, ведущая цыплят, переваливалась с борта на борт плавбаза.

Первым в кильватер матке шёл победитель социалистического соревнования «Властный». Вторым следовал «Зоркий». За ним, блестя после ремонта свежими белилами надстройки и кузбасслаком бортов, поспешал «Робкий», занявший по итогам трудового соперничества почётное третье место. Последним в кильватерном строю тащился «Разящий», ведомый новым капитаном: прежнего признали виновным в нарушении мореходных правил. В таком порядке под гром гарпунных пушек флотилия вошла в бухту Золотой Рог. На причале у морвокзала тысячи сияющих лиц. Жёны моряков с невинно-томными лицами, с букетами цветов, приветливо и радостно машут руками. Заждались, бедные, мужей, блюдя верность, загодя вымели окурки в своих квартирах, выбросили пустые бутылки, проветрили комнаты. Напрасно, однако, наводили марафеты: к ночи многим быть битыми, к яркой косметике жён, театрально вздыхавших, старательно изображавших пылкую любовь, добавятся под глазами великолепные фингалы. Зазвенит посуда, визгами огласится дом, полетят в окна предметы одежды и быта. Соседи понимающе покивают головами: обычное дело – китобой вернулся! Снуют в толпе встречающих «ночные бабочки». Носятся в залах официантки, предвкушая хорошие чаевые: привалят денежные гости! А для простых на каждом столике лежит картонка с надписью: «Стол заказан». Зайдёт китобой, зашелестит пачкой денег – и нет на столе картонки! На «Волгах» заполонили площадь таксисты – шикующих пассажиров немерено будет! А для простых на ветровом стекле картонка с надписью: «В парк». Небрежно сунет китобой таксисту солидную купюру,

и картонка сразу окажется в багажнике. И гул многоликой возбуждённой толпы перекрывает духовой оркестр, играющий марш китобоев:

Сурово, в Антарктике сурово,
Кидает, кидает море нас,
Но сильный, но сильный – он и ловок...
Погода? Погода – в самый раз!

Ещё два месяца во всех ресторанах и кафе Владивостока их посетителей будет будоражить этот задорный марш. Пока у китобоев не кончатся заработанные в промысловой путине деньги.

На «Вдохновенном»...

С дружной командой дорогого моему сердцу «Робкого», к большому сожалению, пришлось расстаться. Полюбился мне этот отчаянный пахарь моря, но покинуть судно был вынужден из-за поспешения на заочное отделение журналистики Дальневосточного государственного университета. С чемоданом, набитым методической литературой для выполнения контрольных работ, я поднялся на борт китобойца «Вдохновенный», готового к отплытию в Антарктику. Однотипное судно не отличалось от «Робкого» – всё те же механизмы, приборы, электрощиты и пульта. Другой была его команда. Китобои «Вдохновенного» не выделялись весёлостью, удалством, промотанием в «Золотом роге» зарплаты до последнего гроша и прочими лихими качествами, присущими команде «Робкого». Немногословные, без задорного блеска в глазах, с лицами, сосредоточенными и суровыми – неизгладимыми следами антарктических штормов, выполняли они трудную, сопряжённую с риском работу, требующую терпения, отваги, мужества, выдержки и большой силы воли, чтобы противостоять почти непрерывным штормам, жгучим морозным ветрам, ледяным шквалам, превращающим палубу, трапы, рангоут судна в глыбы льда. С виду хмурые, молчаливые, с красными, обветренными носами и щеками, при более тесном знакомстве они оказывались добряками в душе. Характер членов экипажа «Вдохновенного» свойственен всем «россиянам» – китобоям антарктической китобойной флотилии «Советская Россия». Их несколько угрюмые внешности я воспринял поначалу как недоброежелательность по отношению ко мне, но скоро убедился в обратном.

...Бешеные порывы ветра бросали судно, как щепку, швыряли в лицо ледяные брызги, заглушая слова капитана Позднякова.

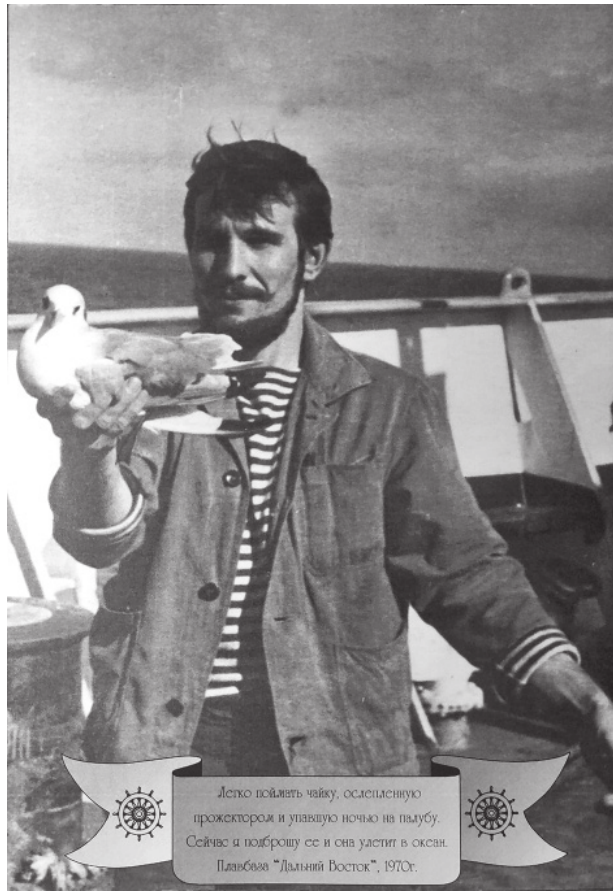
– Идём... море Беллинсгаузена... курс... градусов... зюйд-вест...

По бескрайним просторам самого безлюдного на планете ледяного моря катились чёрные волны, напоминая отвороченные гигантским лемехом пласты свежеспаханного поля, а сорванные с них ветром пенные гребни улетали белыми птицами. В некоторых местах, в провалах между водяными валами пестрели пятнышки играющих на поверхности пингвинов адели, названных так Беллинсгаузеном в честь своей жены француженки Адели. Нипочём им мороз и беснующийся ветер.

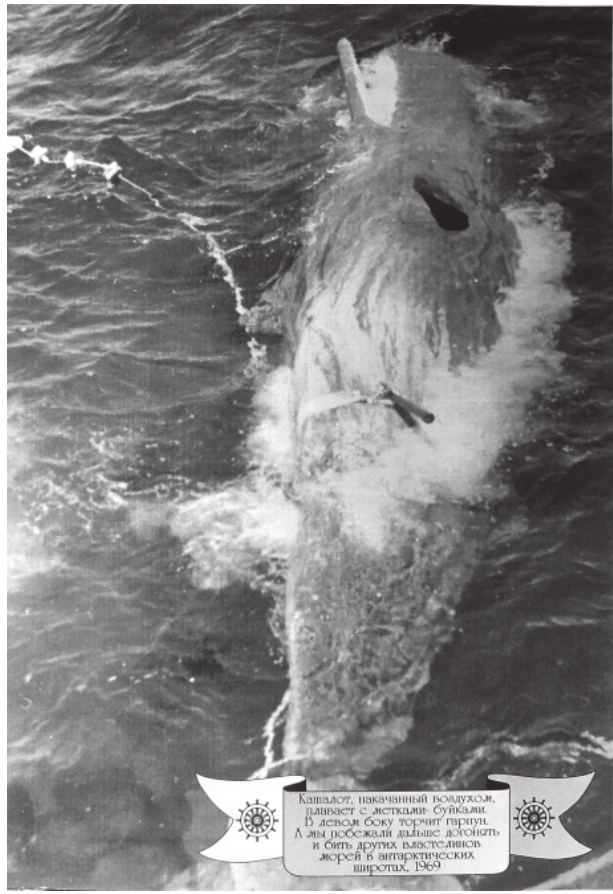
Антарктика – логово ураганов, гнездовье штормов, прибежище бурь, пристанище тайфунов. Беспощадная стихия беснующегося моря. Из этой сатанинской круговерти всесильным джинном вырвался на волю шквальный ветер. Я потерял счёт дням и ночам, во время которых, пытаясь изрыгнуть кишки, стоял вахты. Вокруг скрипело, грохотало, выло, стонало, сотрясалось, судно взлетало куда-то в поднебесную, низвергалось в пропасть и, казалось, мукам адовым не будет конца. Но однажды, проснувшись перед вахтой рано утром, привычно напялил на себя ватные брюки, свитер, шапку, полушубок и, громыхая сапогами по ступенькам трапа, вышел на палубу. Глазам предстала остекленевшая водная равнина. Жестокий шторм утих, и, как это часто бывает в Антарктике, море замерло, словно неживое.

Альбатрос, распластав трёхметровые крылья, низко парит, долгими часами сопровождает судно.

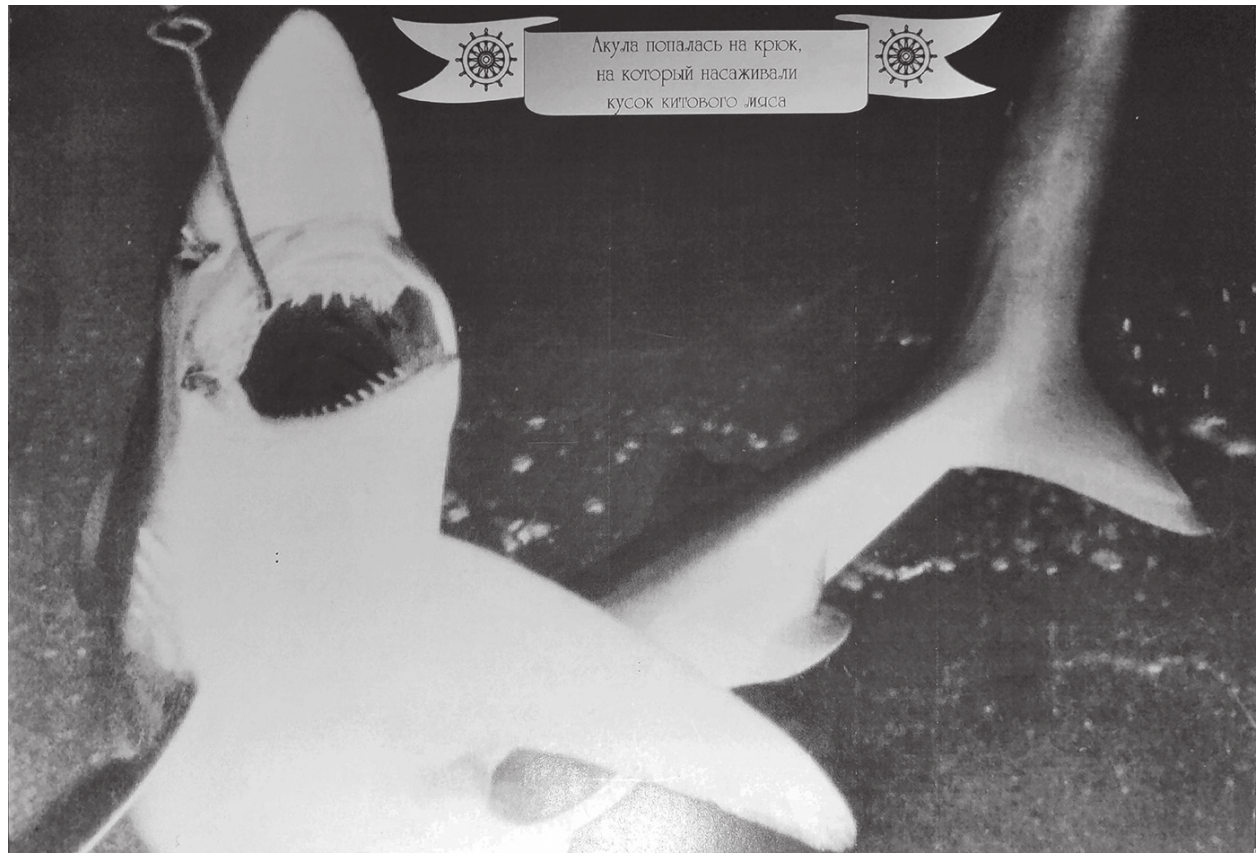
Гористый остров Петра Первого, снежно-синий, багровый с западной стороны, длинной полосой, похожей на огромного белого кита, вытянулся по южной кромке горизонта. Прибой хлестал в угрюмые, безжизненно-ледяные скалы. Оставляя за кормой ровную белую полосу, «Вдохновенный» малым ходом двигался вдоль острова. Над его снежными вершинами, разгораясь всё ярче, вставало солнце. Голубовато-сизая мгла, висевшая над островом, поблекла и, светлея, рассеялась. Отражая золотистый свет ослепительно вспыхнувшего диска, море из матово-зелёного стало маслянисто-жёлтым. Там, вдали, у подножия чёрных, неприветливо-грозных скал, оно лениво накаты-

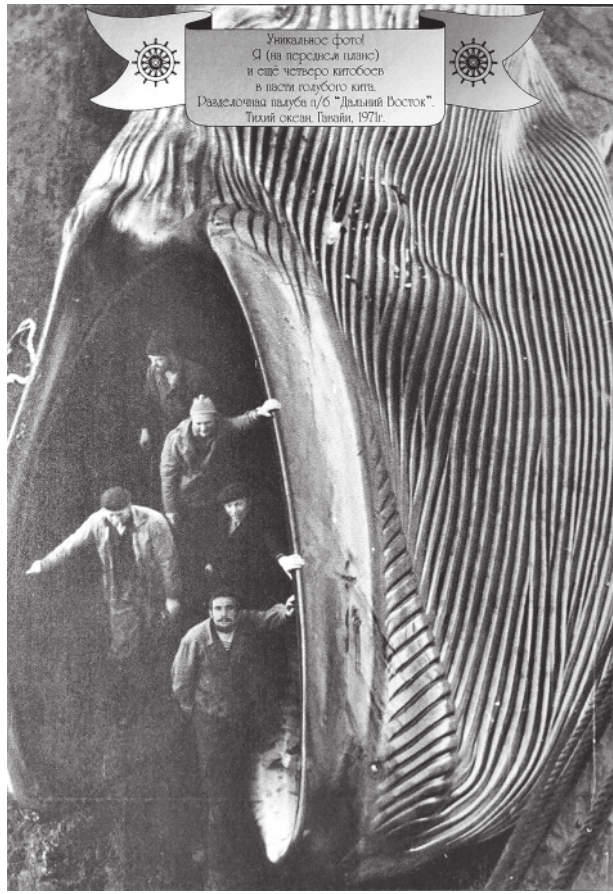

 Легко поймать чайку, ослепленную
 прожектором и упавшую ночью на палубу.
 Сейчас и поброшу ее и сна улетит в океан.

 Плавбува "Дальний Восток", 1970г.

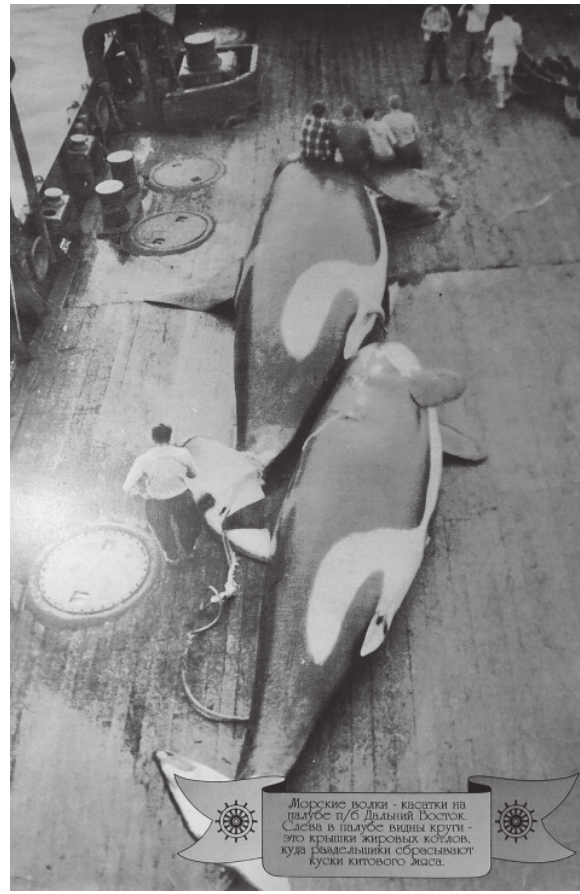

 Кашалот, выжимая воздух, выдает с истерикой буйками.
 В левом боку торчит гарпун.
 А мы робежали дальше догонять
 и сбить других вальсы-нисов
 морей в антарктических
 широтах. 1969

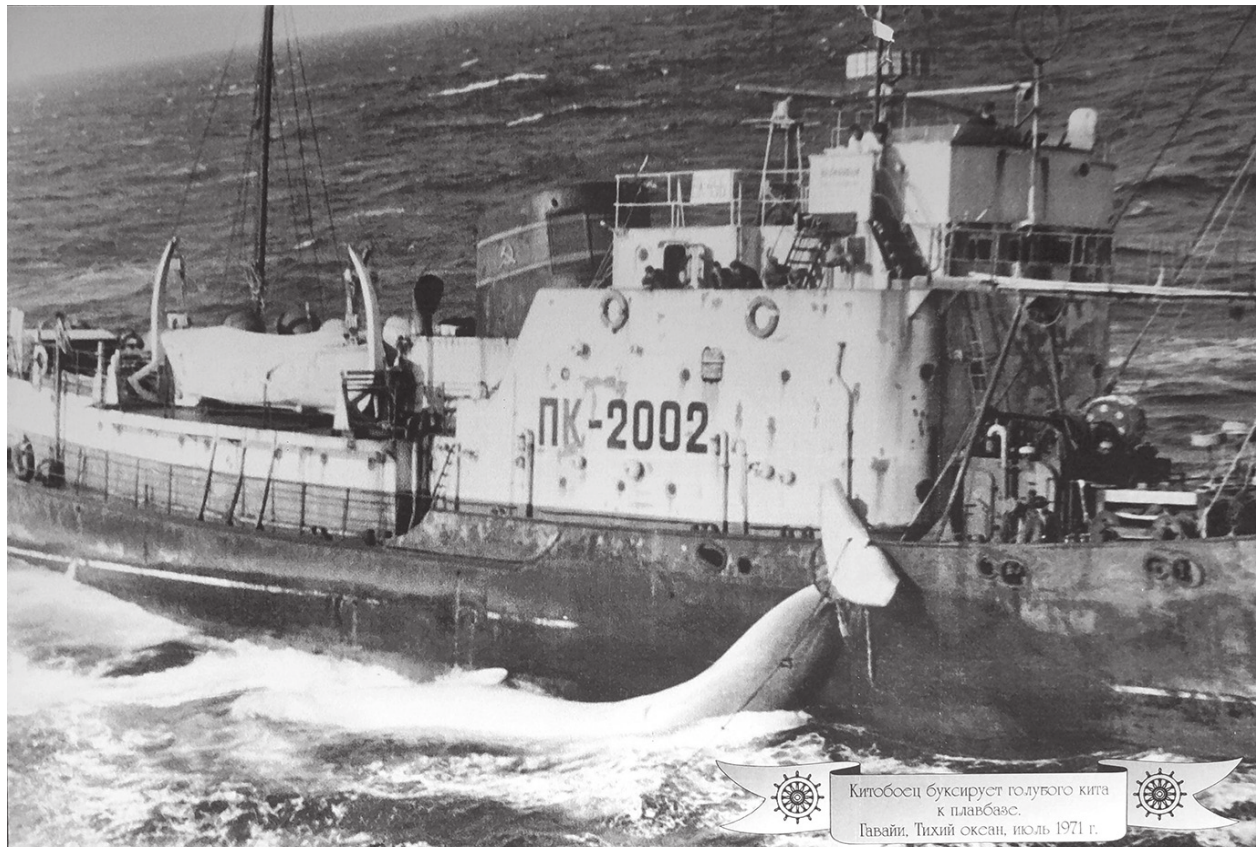

 Акула попала на крюк,
 на который насаживали
 кусок китового мяса

Уникальное фото!
С (на переднем плане)
и еще четверо китобоев
в палубе голубого кита.
Разделочная палуба п/б "Дальний Восток".
Тихий океан, Гавайи, 1971г.

Морские волки - касатки на
палубе п/б Дальний Восток.
Слева в палубе видны кассы -
это крышки жировых котлов,
куда раздельщики сорасывают
куски китового мяса.

Китобоец буксирует голубого кита
к плавбазе.
Гавайи, Тихий океан, июль 1971 г.

валось на облещенные камни, облизывало неприступный берег с глухим и сердитым ворчанием. На мостике попрыгивал трубкой капитан Поздняков. Капюшон кожаной «канадки» – память службы в подводном флоте, накинутый поверх шапки с таким же кожаным верхом, скрывал его лицо. Здесь же, не отнимая бинокля от глаз, осматривал ледяные берега скалистого острова штурман Норкин. В шапке-ушанке, в непромокаемом плаще, надетом на ватник, торчал от нечего делать сменившийся с вахты первый электромеханик Абашкин. Бородатого матроса-рулевого Ховрина спасали собачьи унты, тулуп, затасканный вахтенными, и меховые рукавицы. У пушки, наклонясь всем корпусом вперёд, вглядывался в морскую даль знатный гарпунёр Прокопченко, кавалер многих правительственных наград. Его фигура в утреннем антарктическом свете, голубоватом и ясном, на фоне моря, синего и холодного, как нависшее над ним небо, казалась резным ростром, украшавшим нос китобойца. На палубе, широко расставив ноги, стоял боцман Ильин. В бочке на фок-мачте крутил головой из стороны в сторону марсовый матрос Зорин.

– Справа тридцать фонтаны! – истошно закричал с марсовой площадки Зорин. Штурман нажал кнопку сигнала, и во всех помещениях судна раздались прерывистые звонки: «Охота!» На проплывающей вдалеке льдине стоя пингинов. Рядом с ней взметнулся фонтан, рассыпался на сотни брызг. Вынырнула чёрная спина, за ней другая, третья. Взвились новые фонтаны. «Уф!.. Уф!..» – раздаются тяжёлые вздохи, сотрясая застывший в тишине воздух. В считанные секунды вся команда на местах. Капитан толкнул рукоятку машинного телеграфа на «Полный вперёд!». От форштевня «Вдохновенного» с брызгами начали разлетаться волны, за кормой закружилась белая пена. Осторожные и чуткие «усачи» тотчас ушли в глубину. Эти киты проворнее кашалотов и могут держаться под водой в два раза дольше. Полчаса, не меньше, пройдёт, прежде чем вынырнут на поверхность. «Вдохновенный» застопорил ход. Все напряжённо всматривались в блестящую гладь, прикидывая, где появятся фонтаны. Поглядеть со стороны: все спокойны, но в душе каждого китобоя кипит страсть охотничьего азарта. Она захватывает даже кока, бросившего недочищенной картофелину и выбежавшего на палубу поглазеть на охоту. Именно эта страсть привела на мостик Абашкина и других свободных от вахты моряков. В такие минуты легко понять душевные порывы этих людей, оставивших дома семьи, променявших земную твердь на нескончаемую болтанку. Одна ли возможность хорошего заработка гонит их в ледяные просторы Антарктики, заставляет терпеть лишения и трудности? Ведь они могли работать на берегу грузчиками в порту, докерами, шофёрами такси и тоже получать приличные деньги. Аналогичный вопрос можно задать заядлым охотникам и рыбакам: за куском мяса или рыбиной, умирая с голоду, тащатся они в лес, на озеро, на тонкий ещё лёд реки? Нет, конечно. Ещё и потому многие шли в китобой, что гордились этой профессией, свысока смотрели на представителей других трудовых коллективов. Кто для них бухгалтер, чиновник ведомства, директор ресторана или прораб на стройке? Так, никто... И даже на разделщика китов, жировара или мукомола с плавбазы они посмотрят с чувством собственного превосходства. Китобойная плавбаза в понимании морских охотников – всего лишь плавучий завод по переработке китовых туш, производство которого всецело зависит от мужества, смелости, самообладания тех, кто, рискуя быть смытым волной, добывает китов. По правому борту с громким шипением почти одновременно вырвались три фонтана. Прокопченко выкинул в сторону левую руку: «Вдохновенный» послушно забрал левее. Поднял руку, согнутую в локте: «Малый ход!» И взмах руки вверх: «Стоп, машина!» «Вдохновенный» ещё продолжал по инерции скользить вперёд, но гарпунёр уже поймал на уровень прицельной планки синевато-блестящую спину финвала. В одно мгновение облако сизого дыма окутывает пушку и гарпунёра. Эхо относит гром выстрела, который лёгким хлопком звучит над акваторией моря. Со стуком дёргается блок амортизатора на фок-мачте: кит на лине!

Помимо основной вахты электрика мои обязанности во время охоты те же, что и на «Робком», – подвязать к бамбуковому шесту-«плавучке» аккумулятор с лампочкой-светлячком и флажок-метку «Вдохновенного». Наверх я выбежал налегке и, быстро справившись с немудрёным делом, поспешил вниз в гребное отделение, где тепло от жужжащего электродвигателя, горячих сопротивлений и включённой электропечки. Вид бьющегося в агонии финвала, малиново-красный, нежно-розовый цвет воды, окрашенной его кровью, уже не вызывал во мне прежнего восхищения. Но я не мог не замедлить шаги на трапе, любясь величественно-суровым пейзажем Антарктиды. Запечатлел в памяти ещё одну из её незабываемых картин. Над вершинами покрытого льдами острова Петра Первого сияло лазурное небо. Море сверкало алмазными брызгами, прибор кипел белой пеной у чёрных

утёсов. Скалы казались рухнувшими в океан, среди которых плавали залитые искрящимся светом айсберги. Подмытые течениями прозрачные громады причудливых форм, подтаявшие снизу, оторванные от скованных мерзлотой берегов, высились вдали сказочными дворцами, фантастическими фигурами. Морская вода, ветер и солнце сотворили настоящее чудо: припорошенные свежим снегом ледяные изваяния, отполированные океаном, сверкали хрустально-чистыми колоннами, арками, огромными драгоценными камнями в пурпурно-алой оправе нависших над горизонтом облаков.

Полярные шквалы подламывают, опрокидывают ледяные стены, уступами уходящие глубоко в воду, представляя опасность для мореплавания.

Избегая столкновения с айсбергами, «Вдохновенный» держится подальше от плавающих ледяных гор. На их отлогих склонах темнеют пятна тюленей, моржей, морских львов. Нетронутый снег ослепительной белизной сверкает на вершинах безжизненного острова, открытого в 1821 году русскими мореплавателями Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым на шлюпах «Восток» и «Мирный».

Холодная и суровая красота! Однако обжигающий лицо и руки ветер напрочь отбили желание стоять на верхней палубе и восторженно любоваться антарктическим пейзажем. Через минуту я согревался на раскладном стульчике у электропечки, размышляя, как, должно быть, мёрзли здесь мореходы парусников, на которых не было электрогрелок.

К исходу дня все три финвала, за которыми поутру началась охота, волочились у бортов «Вдохновенного». Барометр в штурманской рубке показывал высокое давление, предвещая сильный ветер. Появившиеся облачные шапки над вершинами высоких скал подтверждали приближение шторма. Моряк не любит море с берега. Оставаясь на суше, он мысленно скользит взором по его необозримой равнине, видит себя там, где кипящие волны, вздымаясь с рёвом необузданных исполинских чудищ, в космах белой пены, обрушиваются на палубу, сотрясая судно. И даже в жаркий пляжный день моряк помнит, как обдают они арктическим холодом и морозным шквалом Антарктики. Как в бешеной злобе, бессильные сокрушить утёс, бьются в него и ропотно откатываются, чтобы ударить с новой, более яростной силой. И ещё моряк знает, как обманчиво затихает море, становясь спокойным и гладким, как начинает едва приметно рябеть и скоро вновь стремится обхватить судно несоизмеримо-гигантскими объятиями, повергнуть его в свою пучину.

Мёртвая зыбь – эхо дальнего урагана – не спеша катила пологие складки. На зеркальной поверхности больших отлогих волн снопами искр вспыхивали обломки льдин. По небу плыли перистые облака. Они растянулись длинными грядами, постепенно меняя окраску от пурпурно-лиловой к сине-фиолетовой. Огненный диск солнца, вспыхивая золотистыми брызгами лучей, освещал южное полярное небо и холодное под ним море Беллинсгаузена. Вдали дыбились снежные, иссечённые льдами скалистые утёсы острова Петра Первого. В матово-голубоватой дымке белели айсберги причудливых форм и очертаний. Облака сбились в плотные тучи и закрыли солнце. Проглянувшие, было, звёзды постепенно угасли под их пеленой. Барометр пошёл вниз, вода потемнела, и мелкая рябь – примета шквала – пробежала по морю. Сливаясь в разноголосом хоре стихии с гимном океанского раската, резкий, холодный, влажный ветер завыл в вантах, засвистел, загудел в снастях, захлопал брезентом шлюпок, погнав встречные крутые волны. Китобоец начал заметно покачиваться на усиливающейся волне, идущей с океана. Жесточайший шторм надвигался разъярённым зверем. Крепчал с каждой минутой, и вот уже в неукротимых порывах, заглушая уханье волн, перекатывающих через носовую палубу, схлестнулся с ними, срывая пенные гребешки, поднимая тучи брызг и водяной пыли. Рёв осатаневшего моря и бешеные раскаты водяных валов – это лишь начало. Вспенившись, оно гневно гремит, вторя далеко прошедшему урагану. Страшен гнев моря! В неукротимой злобе, с феерическим хохотом дико мечется, бьётся неудержимо, обрушивает на маленькое судно водяные лавины. В непроглядной тьме спуталось всё: бездна пучины, грозный шквал, скрежет о корпус судна гарпунов, торчащих из тел китов, удары тяжёлых туш в его борта. Смятение, дрожь и хаос преисподней! Ужасающей высоты волны одна за другой вырастают из кромешной темноты. В свинцовой мгле бушующая буря вздымает и подбрасывает судно, подвязанные к нему китовые туши, швыряет и бросает в провалы между водяными холмами. Переваливаясь с борта на борт, отплёвываясь горячей водой из коллекторов дизелей, «Вдохновенный» медленно продвигался к плавбазе «Советская Россия».

Продолжение в следующем номере